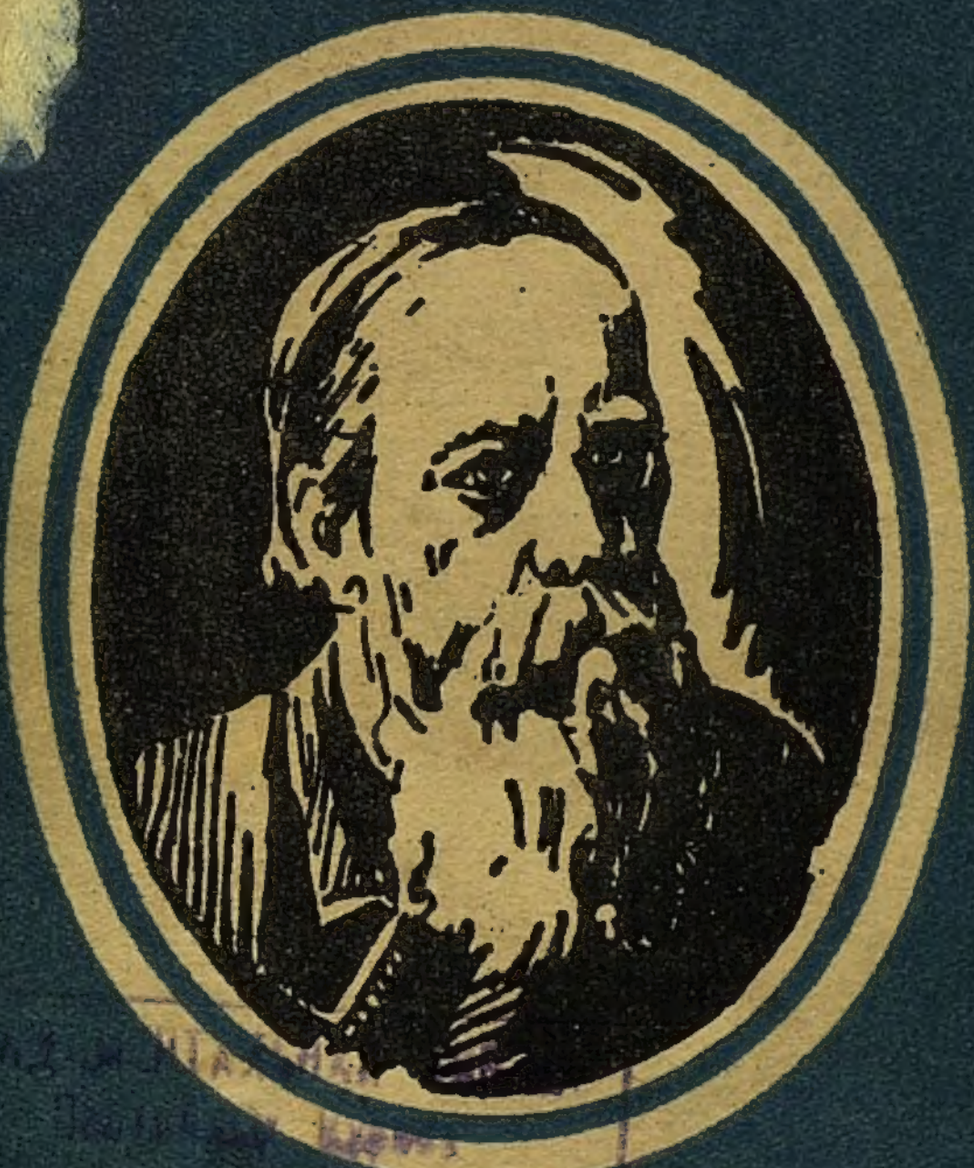
ГЕНИАЛЬНЫЕ ЛЮДИ
ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ НАЦИИ



141097

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

ОГИЗ·ГОСПОЛИТИЗДАТ

№ 93
[redacted]
Включено
в каталог

891
С-16

Б. ПАПКОВСКИЙ

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛ.
Инв. № 14109
ДВОРЕЦ УЧРЕЖДЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА
парткурсов
Лен Горкома ВКП(б)
Инв. № 1561

«Паче всего люби родную литературу»

«Литература и пропаганда — одно и то же»

Н. Щедрин

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД · 1943

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Великий русский писатель	3
II. Ненависть к крепостничеству	18
III. Утопический социализм и материализм	29
IV. Школа жизни	44
V. Обличительные очерки	48
VI. Щедрин в «Современнике»	57
VII. Расцвет сатирического гения	66
VIII. В борьбе с реакцией	80
IX. Щедрин и русский народ	103

Редактор *Л. Петерсон* Техн. редактор *А. Хрош*

ОГИЗ · Госполитиздат · Ленинград · 1943

Цена 2 р. 50 к.

Подписано к печати 20 X 1943 г. 3¾ печ. л., 3,89 уч.-авт. л. 44 540 тип. зн. в 1 п. л. Тираж 10 000 экз. М-02182. Заказ № 2750.

ЛТ УН-1.

I. ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

РУССКИЙ народ — великий народ. Он создал величайшую материальную культуру, науку, технику, искусство, литературу. На протяжении многих веков он играет всемирно-историческую роль в жизни человечества. Великая русская литература ярко отражает мировое значение нашей страны и её культуры. В одном только XIX веке русская литература дала миру такие гениальные произведения, которые открывают новые страницы в художественном развитии человечества. С восторгом и национальной гордостью говорит А. М. Горький о величии нашей литературы:

«Я не преувеличу правды, сказав, что ни одна из литератур Запада не возникала к жизни с такой силою и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта. Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот, при таких неописуемо тяжких условиях. Это незыблемо устанавливается путём сравнения истории западных литератур с историей нашей, — нигде на протяжении

неполных ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имён, как в России... Значение русской литературы признано миром, изумлённым её красотою и силою. Она умела показать Западу изумительное, неизвестное ему явление — русскую женщину, и только она умеет рассказать о человеке с такою неисчерпаемою, мягкою и страстною любовью матери».

Гениальные сыны великой русской нации Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Гончаров, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Л. Н. Толстой, Чехов, Горький, Плеханов и Ленин известны всему передовому и прогрессивному человечеству. Наша литература поражает как богатством «разнообразия типа писателя», так и разностью «лиц, приёмов творчества, линии мысли», неисчерпаемым богатством и образностью языка. Каждый русский писатель «был воистину резко индивидуален, но всех, — говорит Горький, — объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе её народа, об её роли на земле».[1]

Сила великой русской литературы в её народности, в её глубоких патриотических и героических традициях, в её свободолюбии и демократизме, в страстном стремлении, как указывает Горький, к разрешению задач социального бытия и проповеди человечности, в настойчивых и упорных

---

[1] *Горький.* Статьи 1905—1916 гг., изд. «Парус», 1916 г., стр. 51.

поисках всеобщей, всеосвещающей правды. Сила нашей литературы — в её теснейшей и неразрывной связи с народом. В. И. Ленин отметил характерную особенность русского народа — неутомимую жажду культуры и знания: «...нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас...».[1]

Ни в одной стране литература не играла такой большой роли в жизни народа, как у нас. Если в других странах литература была частным проявлением духовных и умственных сил, действующих в различных отраслях общественно-политической жизни, то в России литература, по определению Чернышевского, «сосредоточивает почти всю умственную жизнь народа».[2] В нашей стране «искусство принадлежит народу», говорит Ленин, оно объединяет «чувство, мысль и волю» народных масс, любимо ими, оно уходит «своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс», оно пробуждает «в них художников и развивает их». В нашей стране гениальные сыны русской нации известны всякому советскому человеку, их творения стали общенародным достоянием.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин пользуется мировой известностью. И. В. Сталин назвал его великим русским писателем. В. И. Ленин в 1912 году советовал «вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 388.
[2] *Чернышевский,* Избр. произв., т. IV, Гиз, 1931, стр. 345.

«старой» народнической демократии».[1] К. Маркс читал Щедрина, изучая русскую жизнь. А. М. Горький говорит, что «...вообще невозможно понять историю Р[оссии] во второй половине XIX в[ека] без помощи Щедр[ина], — самого правдивейшего [историка] свидетеля...».[2]

В истории русской литературы Салтыков-Щедрин занял исключительно большое место. Его сатирические образы срывали маски с крепостников-помещиков, царских сановников, бюрократов, либералов, хищников капитализма, брюхопоклонников и человеконенавистников всех и всяческих форм и видов. Его остроумные определения стали крылатыми словечками, синонимами для разоблачения реакции. Он шёл в ногу с жизнью, «ни на шаг не отставал от неё, он пристально смотрел в лицо ей и горько, пророчески хохотал над всеми и всем... Значение его сатиры огромно, как по правдивости её, так и по тому чувству почти пророческого предвидения тех путей, по коим должно было итти и шло рус[ское] о[бщест]во на протяжении от 60-х г[одов] вплоть до наших дней»,[3] — писал А. М. Горький в 1909 году. Его творчество правдиво отразило исторические сдвиги в жизни России и силой своего разоблачения несправедливого реакционного царского строя способствовало осуществлению Великой Октябрьской социалисти-

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXIX, стр. 75.

[2] *Горький,* История русской литературы, Гослитиздат, 1939, стр. 274.

[3] *Там же,* стр. 270, 273.

ческой революции в СССР, осуществлению того, о чём «мечтали лучшие люди человечества на протяжении многих, многих веков» (*Молотов*).

Всю свою жизнь Салтыков-Щедрин боролся с произволом, двоедушием, хищничеством, ложью, предательством, пустомыслием. Всё это было неизменным предметом его литературной деятельности. Его сочинения тесно связаны с его эпохой, насквозь «проникнуты современностью..., плотно прилагаются к ней». Это была эпоха мрачной крепостнической царской реакции, когда, по словам писателя, «общество, гонимое паникой, перестаёт верить в освежающую силу знания и ищет спасения в невежестве... Когда мысль человеческая осуждается на бездействие, а действительное знание заменяется массой бесполезностей, которые отдают жизнь в жертву неосмысленности; когда идеалы меркнут, а на верования и убеждения налагается безусловный запрет».

Салтыков-Щедрин выступил с резкой критикой реакции. Он был беспощаден в своей критике и целиком отрицал крепостнический строй жизни. Он призывал «к идеалам будущего», учил «провидеть... устроителей грядущих исторических судеб», твёрдо верил, что «человеческая жизнь может получить правильные и прочные устои. Формулированию этой истины, — говорит Салтыков,— была посвящена лучшая часть моей жизненной деятельности, всего моего существа. — Не погрязайте в подробностях настоящего, — говорил и писал я, — но воспитывайте в себе идеалы будущего; ибо это своего рода солнечные лучи, без оживо-

творяющего действия которых земной шар превратился бы в камень. Не давайте окаменеть сердцам вашим, вглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективах будущего».

К современникам Салтыков обращался с страстным призывом «жить одной мыслью с народом», поддерживать «честную мысль, честное дело, честных людей». Он выступал защитником демократических народных, крестьянских масс и сурово обвинял реакцию от имени народа. Он боролся за то, чтобы раскрепостить сказочную, богатырскую силу русских полей, которая «разрешила бы узы мужику». Он понимал, что «человеческая деятельность вне сферы народа беспредметна и бессмысленна».

Великий писатель настойчиво искал путей активного преобразования жизни и старался при этом найти такой слой общества, на который можно было бы опереться при революционной ломке старых форм. Он не боялся революционной ломки, и слово «ломать» его не пугало. «Вредный или полезный смысл этого слова, — говорит Щедрин, — совершенно зависит от того, на какой предмет простирается его действие». Всё устаревшее, реакционное, пошлое Щедрин беспощадно, уничтожающе бичевал в своей сатире. Он выступил в защиту Парижской коммуны в очерке «Сила событий» (1870), а позднее, в книге «За рубежом» (1881), клеймя «республику без республиканцев» французских плутократов, с восторгом писал о француз-

ских рабочих, которые умеют делать революцию «ловко, скоро, горячо, но отнюдь не бестолково».

Ученик Белинского, последователь социалистов-утопистов и материалистов 40-х годов прошлого века, Салтыков-Щедрин примкнул в 60-х годах к революционным демократам школы Чернышевского и до конца жизни проводил в своей журнальной, публицистической и художественно-сатирической деятельности их взгляды. Он сам считал себя не только литератором, но и «человеком партии» и писал в 70—80-х годах, «помня предания «Современника». В школе революционной демократии окрепло и сложилось его сатирическое дарование. А эта школа, по определению В. И. Ленина, воспитывала и прививала горячую вражду «к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области», выступала в защиту «интересов народных масс».[1]

Расцвет сатирического гения Салтыкова-Щедрина падает на 70—80-е годы. Крепостное право было уже отменено в 1861 году, но оно «ещё не сказало своего последнего слова, — пишет Щедрин. — Оно разлилось в воздухе, осветило нравы; изобрело путы, связывающие мысль». Такие путы заключала в себе либеральная фраза, к которой охотно прибегали даже махровые крепостники. Именно поэтому Чернышевский страстно клеймил либералов, проводил линию «разоблачений измен либерализма».[2] Как революционный демократ «...Щедрин

---

[1] *Ленин,* Соч., т. II, стр. 314.
[2] *Ленин,* Соч., т. XVII, стр. 342.

беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеймил их формулой: «применительно к подлости»,[1] — говорит В. И. Ленин. Щедрин боролся с крепостничеством в ту эпоху, когда «крестьяне *в большинстве* губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безвыходной кабале у помещиков» *(Ленин)*. Он выступал неутомимым и последовательным борцом с ясным сознанием просветителя и демократа эпохи Чернышевского, той полосы «общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое»,[2] когда чувствовалось стихийное брожение крестьянских масс, не освещённое ещё политическим сознанием, но направленное против крепостнической кабалы и капиталистического хищничества.

Салтыков-Щедрин выступил представителем этой закабалённой крепостниками и хищниками крестьянской массы. Он чувствовал «себя мужиком», жил одной мыслью с народом и делал всё для раскрепощения мощных народных сил. Его сатира полна «самой горячей идейности» и глубочайшей любви к Родине. Он знал «свою родную страну, — говорит И. С. Тургенев, — лучше чем кто-либо из современников»; ему было свойственно «подлинное знание истинных интересов народной жизни», — писал Л. Н. Толстой. Сатира Щедрина полна революционной страсти и призыва к действию. Но в ту эпоху «революционное *движение* в России бы-

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XVI, стр. 133.
[2] *Ленин,* Соч., т. I, стр. 170.

ло... слабо до ничтожества, — говорит Ленин, — а революционного *класса* среди угнетённых масс вовсе ещё не было».[1]

Щедрин верил, что в «бессознательной толпе заключается единственное основание нашей собственной силы». Эта вера была полна оптимизма. Сатира Щедрина ломала устои, на которых держалась самодержавно-крепостническая царская реакция. Она показала гниль семейных, государственных и собственнических устоев царизма. Она одухотворена передовым революционным сознанием.

Салтыков-Щедрин выступал в эпоху, когда в России шли упорные поиски правильной научной революционной теории. Трезвый, реальный взгляд на жизнь привёл его к критике ряда положений утопического социализма, в частности — пассивно-созерцательной мечтательности. Глубокая вера в народ и его светлое будущее не допускала отчаяния и слабости. Мы находим в его сатире «здоровый социальный скептицизм» *(Горький)*, который позволял Щедрину осмеивать «и нигилистов и славянофилов, прекрасно понимая, что стране нужны не они, а прежде всего люди, умеющие работать и люди искреннего демократизма» *(Горький)*. Он не разделял ни либеральных, ни народнических иллюзий. Он выступал за революционную ломку жизни, хорошо понимая, что «в сущности своей творческое чувство любви к родине, к человеку не может быть доступно и понятно новорожденному обществу, не

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XV, стр. 142.

знающему своей родины и привыкшему пользоваться человеком, как рабом» *(Горький)*.

После ареста Чернышевского Щедрин в 70—80-х годах остался последовательным борцом за идеалы революционной демократии, но борцом одиноким, остро чувствующим свою изолированность, не находящим ещё опоры в революционной среде.

«Его положение, — говорит Горький, — было драматично и страшно мучило этот зоркий, острый ум, не видевший как, чем и кем разрешится эта пореформенная путаница отношений в стране... Его сатира всё расширялась и углублялась». Она поистине стала художественной летописью русской жизни второй половины прошлого века. Щедрин критиковал и высмеивал отсталые и реакционные формы с точки зрения передовой революционно-демократической мысли. Его устами говорили лучшие сыны народа, поднявшиеся к сознательной борьбе и в свою очередь поднимающие на борьбу массы. Это были революционные демократы 60-х годов, которые вслед за страшно далёкими от народа дворянскими революционерами-декабристами и Герценом выступили на историческую арену. Они подхватили революционную агитацию Герцена, расширили, укрепили, закалили её, «начиная с Чернышевского, — говорит Ленин, — и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была ещё сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, под-

нялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году».[1]

Всей своей неутомимой литературной деятельностью Салтыков-Щедрин *приближал час наступления этой бури.* Он жадно искал путей будущего, звал к нему. Его творчество пронизано бескрайней любовью к народу и ненавистью к его врагам. И в этом проявлялась его подлинная любовь к Родине. На его сатирических произведениях воспитывалось не одно поколение русских революционеров.

Творчество Салтыкова-Щедрина воплощает в себе лучшие традиции великой русской литературы. Как гениальный писатель-сатирик он продолжил, углубил и расширил сатирические традиции, которые через Фонвизина, Капниста, сатирические журналы XVIII века, Радищева, Крылова, Грибоедова, Пушкина замечательно ярко расцвели в творчестве Гоголя. Салтыков-Щедрин завершил большой период русской сатирической литературы и поднял её до невиданной высоты художественных образов и типических обобщений. Щедрин подчёркивал свою тесную связь с традициями сатирической русской литературы и выводил в своих произведениях классических героев Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, прослеживал их изменения в условиях новой эпохи. Он расширил и углубил одну «из самых характеристических и оригинальных черт нашей литературы, её сатирическое направление» (*Белинский*), названное Горьким критическим реализмом.

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XV, стр. 468.

Сатира Щедрина явилась непосредственным продолжением сатиры и юмора Н. В. Гоголя. Гоголь изображал «бедность да несовершенство нашей жизни». Его горький смех заключал в себе «невидимые миру слёзы», бичевал косность, пошлость и гнусность крепостнической жизни. Его сатира всей своей художественной силой приводила к далеко идущим выводам о необходимости уничтожения и коренного изменения этой системы. Такие выводы делал Белинский и вслед за ним Чернышевский. В этом заключалась революционизирующая сторона его творчества. За эту черту Белинский любил Гоголя «со всей страстью, с какою человек, кровно связанный с своей страною, может любить её надежду, честь, славу», видел в нём «одного из великих вождей её [родины] на пути сознания, развития, прогресса» и беспощадно критиковал Гоголя за непоследовательность в известном «Письме к Гоголю».

Салтыков-Щедрин считал Гоголя «родоначальником нового реального направления русской литературы» и гениально продолжил сатирические традиции «Ревизора» и «Мёртвых душ». Его сатира не была ни повторением, ни подражанием сатире Гоголя. Она шире, глубже, последовательнее и всестороннее охватывает русскую жизнь второй половины прошлого века. «Это не смех Гоголя, — говорит Горький, — а нечто гораздо более оглушительно-правдивое, более глубокое и могучее».

Гоголь не смог, по словам Добролюбова, до конца итти по своей дороге, так как пошлость крепостничества его ужаснула, а сознание, что «эта пош-

лость не есть удел народной жизни», что «её нужно до конца преследовать, нисколько не опасаясь, что она может бросить дурную тень на самый народ», не было доступно Гоголю. Естественно, у него появились сомнения и колебания. Гоголь, по определению Белинского, «действовал бессознательно», у него не было определённой целеустремлённости. Он мечтал об улучшении жизни, но ему казалось, что это улучшение возможно в рамках крепостничества. У Щедрина было ясное сознание необходимости коренной, революционной ломки крепостнической системы. Он не знал колебаний, был беспощаден в своём сатирическом бичевании и осмеянии. Каждое его произведение имеет определённую идейную направленность и политическую целеустремлённость. Автор может объяснить и доказать, что его произведения «направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому человеку одинаково претят». Художественное творчество Салтыков-Щедрин считал «воплощением мысли в живых образах». Литература для него была средством пропаганды передовых и прогрессивных идей демократии и свободы. «Литература и пропаганда, — писал Щедрин, — одно и то же».

Гений Пушкина направил русскую литературу на путь показа несовершенств русской жизни. В нём — «начало всех начал» *(Горький)*. Он дал Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мёртвых душ». Салтыков-Щедрин, вслед за Гоголем, продолжил пушкинские традиции. Одно из лучших произведений Щедрина — «История одного города» — тесно связано с «Историей села Горюхина» Пушкина. Эта связь—

в глубине обобщений. Для Пушкина «Горюхино», как и для Щедрина «Глупов», — обобщение целой страны с её образом правления и политической системой, правителями и историей.

Сатира Щедрина продолжила и углубила лучшие сатирические традиции мировой литературы. И. С. Тургенев отметил в 1871 году, что сатирическая манера Щедрина имеет «до некоторой степени сходство с манерой Ювенала» по горькому, пронзительному и нередко оскорбительному характеру его смеха и сатирой Свифта по серьёзному, наводящему ужас комизму, реализму, трезвости, здравому смыслу и ясности «среди самой дикой игры воображения». В сатире Щедрина мы находим продолжение традиций Сервантеса, Рабле, Вольтера. Его оригинальный сатирический стиль гениально воплотил в себе всё лучшее и поднялся до уровня классических образов мировой сатирической литературы.

К середине XIX века сатирическое направление в русской литературе становится ведущим. Молодые писатели, выступившие в эту эпоху—Некрасов, Салтыков-Щедрин, Герцен, Гончаров, Тургенев, Достоевский, Островский, Писемский, Лесков, Мельников-Печерский и многие другие показывают несовершенства нашей жизни. Русская литература приобретает учительный характер, глубже впитывает и отражает свободолюбивые и героические черты народа. К литературе предъявляются серьёзные требования. Обличение крепостничества становится основной темой.

Создатель русской национальной драмы и театра

А. Н. Островский писал в 1850 году в забытой ныне критической статье: «Публика ждёт... не произведений с сентенциями и нравственными изречениями, а облечённого в живую, изящную форму... суда над жизнью, ждёт соединения в полные образы подмеченных у века пороков и недостатков». Островский и выступил обличителем этих пороков. Друг и единомышленник Герцена Огарёв оценивал его драмы как сатиру, которая «грызла правительственную и общественную сеть по всем узлам». Потребность в глубокой сатире чувствовалась повсеместно. Великий поэт украинского народа Т. Г. Шевченко в далёкой ссылке записывает в своём дневнике 1856 года: «...Для нашего времени... необходима сатира умная, благородная. Такая, например, как «Жених» Федотова, или «Свои люди — сочтёмся» Островского, и «Ревизор» Гоголя... Нужна ловкая, меткая, верная, а главное — не карикатурная сатира, скорее драматический сарказм, нежели насмешка».

В сатире Салтыкова-Щедрина мы и находим воплощение этих веяний эпохи и лучших традиций русской и мировой литературы. В ярком созвездии гениальных русских писателей второй половины XIX века Салтыков-Щедрин творил дивный храм русского искусства, о котором восторженно писал Горький в 1908 году:

«Наша литература — наша гордость, лучшее, что создано нами, как нацией. В ней — вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа, — в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красы и силы,

141097 1561

сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников. И все они правдиво и честно, освещая понятое, пережитое ими, говорят: храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его!».

II. НЕНАВИСТЬ К КРЕПОСТНИЧЕСТВУ

Самой характерной чертой литературно-общественной деятельности Салтыкова-Щедрина была его лютая ненависть к крепостничеству и всем его порождениям. В эпоху, когда крепостничеством был пропитан весь социальный и политический строй, когда гнёт и насилие довлели над всем, у Щедрина, под влиянием этого гнёта, пробудилось сознание несправедливости крепостнического строя, росла и крепла вера в необходимость его уничтожения, вера в «торжество правды», которая «неугасая теплится в народе». Это глубокое чувство ненависти привело Салтыкова к полному разрыву с крепостниками и реакционным царским строем, поставило его в ряды революционных просветителей и демократов 60-х годов, борцов за народную свободу и независимость отечества. Как зрело и укреплялось это священное чувство, лучше всего показывает жизненный путь нашего великого писателя.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин родился 15 января 1826 года в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии. Отец его был небогатым дворянином. После женитьбы на дочери московского купца Ольге Михайловне Забелиной отец Салтыкова поселился в селе Спас-Угол.

Он не вникал в ведение хозяйства, и молодая жена скоро стала полновластной хозяйкой дома. Отличаясь практической сметкой и деловитостью, она быстро поправила пошатнувшееся хозяйство усадьбы Салтыковых, внесла в дом купеческую практичность и бережливость, доходящую до скопидомства. Захолустное поместье Спас-Угол вскоре стало одним из богатейших в уезде.

«Детство и молодые годы мои, — писал Салтыков в известной повести «Пошехонская старина»,— были свидетелями самого разгара крепостного права. Оно проникало не только в отношения между поместным дворянством и подневольной массой, к ним, в тесном смысле, и прилагается этот термин, — но и во все вообще формы общежития, одинаково втягивая все сословия (привилегированные и непривилегированные) в омут унизительного бесправия, всевозможных изворотов лукавства и страха перед перспективою быть ежечасно раздавленным. С недоумением спрашиваешь себя: как могли жить люди, не имея ни в настоящем, ни в будущем иных воспоминаний и перспектив, кроме мучительного бесправия, бесконечных терзаний и ни откуда не защищённого существования? — и, к удивлению, отвечаешь: однако же, жили!». [1]

Семейный уклад жизни ярко изображён в «Пошехонской старине». «В семействе нашем царствовала не то чтобы скупость, а какое то упорное скопидомство. Всегда казалось мало, и всего было жаль.

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. XVII, стр. 38—39.

Грош прикладывался к грошу, и когда образовывался гривенник, то помыслы устремлялись к целковому. «Ты думаешь, как состояния-то наживаются?» — эта фраза раздавалась во всех углах с утра до вечера, оживляла все сердца, давала тон и содержание всему обиходу».[1]

Семья была большая. Жизнь в ней Салтыков рисует в самых мрачных красках. О своём детстве он вспоминал с горечью. На почве стяжательства и жажды обогащения в семействе проявлялись, вырастали и укреплялись те отвратительные черты, которые писатель заклеймил впоследствии в «Господах Головлёвых» и «Пошехонской старине». В этих произведениях сказался автобиографический элемент, но их не следует принимать за автобиографию писателя.

Воспоминания современников сохранили рассказы Салтыкова о своём детстве. «А знаете с какого момента началась моя память, — рассказывал писатель. — Помню, меня секут... секут как следует розгою... Было мне тогда, должно быть, года два, не больше...»[2]

Детство было тягостным. Светлых и радостных воспоминаний из него писатель не вынес. Гнёт и насилия окрашивали всё в мрачный колорит.

«Семья была дикая и нравная, — передаёт доктор Белоголовый рассказ писателя, — отношения между членами её отличались какой то зверской

---

[1] *Щедрин,* Полн. собр. соч., т. XVII, стр. 50.

[2] *Кривенко,* М. Е. Салтыков, Биографический очерк, изд. 3-е, 1915, стр. 3.

жестокостью, чуждой всяких тёплых родственных сторон».

Об умственном и нравственном развитии ребёнка мало заботились, и он был предоставлен самому себе. Учителей нанимали «ценою подешевле». «Нельзя сказать, — писал Салтыков в своей автобиографии, — чтоб воспитание было блестящее». Учение сопровождалось телесными наказаниями. Обо всём этом, по словам доктора Белоголового, писатель рассказывал с содроганием. Усвоив азбуку, одарённый ученик быстро овладел «школьной премудростью» и пристрастился к чтению.

Крепостнический быт и нравы рано пробудили мысль будущего писателя. Природная одарённость и наблюдательность приводили его к выводам и заключениям о жизни. Очень рано он вышел «из состояния прозябания и начал сознавать себя человеком». Право на это сознание он стал переносить на других. «Доселе я ничего не знал ни об алчущих, ни о жаждущих и обременённых, и видел только людские особи, сложившиеся под влиянием несокрушимого порядка вещей, — писал Салтыков, —теперь эти униженные и оскорблённые встали передо мной, осиянные светом, и громко вопияли против прирождённой несправедливости, которая ничего не дала им, кроме оков, и настойчиво требовали восстановления попранного права на участие в жизни. То «своё», которое внезапно заговорило во мне, напоминало мне, что и *другие* обладают таким же, равносильным «своим». И возбуждённая мысль невольно переносилась к конкретной действительности, в девичью, в застольную, где зады-

хались десятки поруганных и замученных человеческих существ».[1]

Крепостнический гнёт калечил людей. Они были на положении рабов. Но в этих бесправных и униженных, оскорблённых и алчущих, жаждущих и обременённых, подавленных и угнетённых мальчик увидел поруганную человеческую личность.

«Я не хочу сказать этим, — писал Салтыков, — что сердце моё сделалось очагом любви к человечеству, но несомненно, что с этих пор обращение моё с домашней прислугой глубоко изменилось, и что подлая крепостническая номенклатура, которая дотоле оскверняла мой язык, исчезла навсегда. Я даже могу с уверенностью утверждать, что момент этот имел несомненное влияние на весь позднейший склад моего миросозерцания».[2]

Эти лирические картины изображения моральных и душевных движений ребёнка в «Пошехонской старине» носят, несомненно, автобиографические черты.

Тягостный и грубый быт крепостнической «пошехонской старины», лицемерие и «домашний ад», царившие в семье Салтыковых, вызвали уже в раннем детстве его ненависть к крепостничеству, уважение и любовь к простому русскому народу. С годами эти чувства росли и крепли, способствовали выработке критического реализма в творчестве писателя, вызвали его яркую, бичующую и саркастическую сатиру.

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. XVII, стр. 98.
[2] *Там же.*

«Салтыков безжалостен к своему грустному детству,—записывает близко знавший писателя С. А. Юрьев в своих неопубликованных воспоминаниях,—оно рано отравило желчью и ненавистью его духовный организм и навсегда оставило печальную складку в его характере».[1]

И когда десятилетний Салтыков был определён в дворянский институт для обучения, то расставание с родной семьёй и поместьем не вызвало ни острых переживаний, ни сильных душевных движений и огорчений. «Не помню, — писал Салтыков,— чтобы во мне происходило в то время какое-нибудь душевное движение».

Московский дворянский институт был одним из лучших учебных заведений в России. В 1831 году он был преобразован из Московского университетского благородного пансиона, из которого вышло не мало замечательных деятелей русской культуры и литературы. В нём получили воспитание В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов и многие декабристы.

Университетский благородный пансион был рассадником свободомыслия. Эти традиции сохранялись и в дворянском институте. Николаевская реакция, разгромив дворянских революционеров 14 декабря 1825 года, грубо пресекала и жестоко преследовала свободомыслие. Лучшие люди были повешены, сосланы в Сибирь, находились под надзором.

---

[1] Цитата приведена в статье *С. А. Макашина* «М. Е. Салтыков-Щедрин» («Лит. обозрение» № 10, 1939 г.).

Искореняя свободомыслие, николаевская реакция превратила дворянский институт в казённое учебное заведение с полуказарменным режимом и мелочной опекой.

Салтыков быстро вошёл в круг умственных интересов воспитанников, сблизился со старшими товарищами и впервые узнал здесь о русской литературе. Здесь он и сам начал пробовать свои литературные силы, переводил Виктора Гюго, страстно увлекался стихами Пушкина, Лермонтова и сатирой Гейне.

Серьёзные умственные запросы Салтыкова приводили к мечтам об университете и служении науке. Его успехи были так велики, что когда в 1838 году производился традиционный отбор двух лучших воспитанников для помещения в Царскосельский лицей, то в числе этих двух оказался двенадцатилетний Михаил Салтыков как отличнейший по успехам в науках и поведении. Царскосельский лицей готовил высших правительственных чиновников и министров, и поступление в него считалось большой удачей.

Салтыков принял это известие «с отчаянием» и умолял родителей «оставить его в Москве». Но его просьбы не помогли. Мать Салтыкова считала за счастье помещение сына на казённый кошт в привилегированное дворянское учебное заведение.

В Царскосельском лицее Салтыков выдержал испытания во второй класс, но по малолетству был зачислен в первый. В течение года он должен был повторять известные уже ему школьные дисципли-

ны. Это привело к тому, что он стал «понемногу заленяваться, а затем и во всё время пребывания в лицее учился плоховато». Но это привело и к другому. Наличие свободного времени и серьёзные умственные запросы сближали его со старшими воспитанниками лицея и втягивали в их литературную среду.

В 30 — 40-х годах прошлого века Царскосельский лицей входил в систему военно-учебных заведений с казарменным бытом и дисциплиной, цель которых заключалась в том, чтобы привить учащимся беспрекословное повиновение и механическое подчинение царской власти. Это уже был не тот лицей, из которого вышли Пушкин и декабрист Пущин.

«Прежнего лицея там и тени нет, — писал о нём в 30-х годах бывший директор Энгельгардт, при котором учился Пушкин. — Гольтгойер [директор] добрый человек, но о воспитании имеет столько же понятий, как о кавалерийском манёвре... Вступая в лицей, он объявил воспитанникам: «думайте, что хотите, только будьте исправны перед начальством!..» Им управляет Оболенский [инспектор] низкий фарисей, основывающий всё воспитание на постыдной системе подслушивания за дверьми, на изловлении и краже записок по ящикам, и даже доходил до того, что приучивал воспитанников делать тайные доносы на товарищей. Следствие того — что воспитанники ненавидят и презирают начальство...»

Пребывание в Московском дворянском институте и Царскосельском лицее ещё больше усилило и

укрепило у Салтыкова чувство ненависти к крепостничеству и его системе воспитания. С поразительной силой художественной сатиры Салтыков показал эти методы воспитания в своих произведениях, с ненавистью заклеймил крепостнический режим и тупоумие чиновников-педагогов.

«Для нас, — писал он, — нанимали целую уйму Вральманов, Цифиркиных, Кутейкиных (конечно, несколько усовершенствованных), а общее руководство вместо Еремеевны возлагали на холопа высшей школы. Вральманы пичкали нас коротенькими знаниями (был один год, например, когда я одновременно обучался одиннадцати «наукам»), а холоп высшей школы внушал, что цель знания есть исполнение начальственных предначертаний. Сведения доходили до нас коротенькие, бессвязные, почти бессмысленные. Они не анализировались, а механически зазубривались. Это было не знание, а составная часть привилегии, которая проводила в жизнь резкую черту; над чертой значились мы... люди досужие, правящие; под чертой стояло одно только слово: мужик...»

Это художественное обобщение ярко раскрывает классовый характер лицейского воспитания.

Царскосельский лицей в 30 — 40-х годах прошлого века оставался всё же одним из лучших учебных заведений в России. Некоторые преподаватели, особенно молодые профессора Петербургского университета, читавшие лицеистам лекции, пользовались уважением. В самом лицее Салтыков был, вследствие скупости матери, на положении «бедно-

го» казённокоштного студента, и это отделяло его от богатых лицеистов.

«Уже в самых стенах интерната, — писал Салтыков, — образовались два лагеря, из которых один был не чужд зависти, другой — пренебрежения».

Салтыков-лицеист был далёк от богатой дворянской молодёжи лицея, из числа которой вышли будущие министры Толстые, Лобановы, Бобринские, Рейтерны. Необщительность и замкнутость, независимость и серьёзность сближали его с другой группой лицеистов. С обеспеченными дворянскими «недорослями» он не мог похвастать «тесными дружескими связями». Но зато он оказался в числе мыслящих лицеистов, жадно ловивших новые веяния в литературе, науке и общественной жизни.

«В то время, — писал Салтыков, — в особенности в нашем заведении вкус к мышлению был вещью мало поощряемою. Высказывать его можно было только втихомолку и под страхом более или менее чувствительных наказаний. Тем не менее мы усердно следили за тогдашними русскими журналами, пламенно сочувствовали литературному движению сороковых годов и, в особенности, с горячим увлечением относились к статьям критического и полемического содержания. То было время поклонения Белинскому и ненависти к Булгарину. Мир не видал двух людей, из которых один был столь пламенно чтим, а другой столь искренно ненавидим».

В стенах лицея Салтыков увлекается поэзией, в особенности Пушкиным и Лермонтовым, и пишет стихи. За это и равным образом за чтение книг он терпел всевозможные преследования. «Влияние ли-

тературы было в Лицее, — пишет Салтыков в авто-биографии, — очень сильно: воспоминание о Пушкине обязывало; в каждом курсе предполагался продолжатель Пушкина... Журналы читались с жадностью, но в особенности сильно было влияние «Отечественных Записок», и в них критики Белинского...»

До нас дошло немного стихотворений Салтыкова и только те из них, которые были напечатаны в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» или случайно сохранились в тетрадях современников. Не отличаясь особыми поэтическими достоинствами, эти стихи стоят на среднем уровне поэтической культуры 40-х годов прошлого века. На них лежит печать сильного влияния Пушкина и Лермонтова.

Впоследствии Салтыков не любил вспоминать о своих стихотворных опытах, но не подлежит сомнению, что увлечение стихотворством способствовало его сближению с петербургскими литераторами и заставляло внимательно следить за журналистикой. А со страниц журналов раздавалось «полное страсти слово Белинского», которое было школой, воспитавшей и определившей взгляды Салтыкова на жизнь и литературу. Глубокий демократизм великого критика, пламенная проповедь идей социализма и материализма, пропаганда критического реализма — гоголевской натуральной школы в литературе — были хорошо усвоены Салтыковым и определили ход его мысли и эстетические суждения.

Но кроме Белинского были и другие влияния.

Несомненно на него влияли старшие лицеисты, серьёзные и вдумчивые, с которыми Салтыков общался как в стенах лицея, так и по выходе из него. Тремя курсами старше учился в лицее М. В. Петрашевский — один из первых русских социалистов-утопистов. Позднее, привлёченный к допросу по делу петрашевцев в 1849 году, при всей осторожности на жандармском следствии, Салтыков отметил, что «отношения к г. Буташевичу-Петрашевскому начались во время моего пребывания в лицее... Началом сближения моего с Петрашевским были литературные занятия, к которым я в то время имел большую склонность».[1]

III. УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И МАТЕРИАЛИЗМ

В мае 1844 года Салтыков окончил Царскосельский лицей и был определён на внештатную службу в военное министерство. Мать ограничивала его расходы. С богатыми светскими дворянами и чиновниками уже по этой причине он не мог быть близок, но зато всё больше и больше сближался с литературными кругами.

Самостоятельная жизнь Салтыкова была заполнена литературными встречами, изучением классиков русской и мировой литературы, философов-материалистов XVIII века, Гегеля, неогегельянцев и

---

[1] *Семевский*, Салтыков — петрашевец. «Русские записки» № 1, 1917, стр. 32.

Фейербаха, социалистов-утопистов и близким общением с кружком Петрашевского.

С кружком Петрашевского Салтыков был наиболее тесно связан и около трёх лет (1844 — 1847) бывал на «пятницах», где встречался с В. Милютиным, В. Майковым, Ф. Достоевским, А. Плещеевым, А. Григорьевым и др. В кружке читались книги французских социалистов-утопистов, социальные романы Жорж-Занд, следили за героической французской беллетристикой, касались вопросов внутреннего состояния России.

В очерках «За рубежом» Салтыков рассказывает: «Я в то время только что оставил школьную скамью и, воспитанный на статьях Белинского, естественно, примкнул к западникам. Но не к большинству западников (единственно авторитетному тогда в литературе), которое занималось популяризированием положений немецкой философии, а к тому безвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции. Разумеется не к Франции Луи-Филиппа и Гизо, а к Франции Сен-Симона, Кабé, Фурьé, Луи-Блана и в особенности Жорж-Занд. Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, всё доброе, всё желанное и любвеобильное — всё шло оттуда».[1]

В рассказе «Имярек», говоря об идеалах молодости своего героя, Щедрин замечает: «Глядя на вожаков, он называл себя фурьеристом, но в сущ-

---

[1] *Щедрин,* Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 161.

ности смешивал в одну кучу и сен-симонизм, и икаризм, и фурьеризм и скорее всего примыкал к сен-симонизму. В особенности его пленяла Жорж-Занд в своих первых романах... Были слова (добро, истина, красота, любовь), которые производили чарующее действие». В этом замечании отразились, очевидно, автобиографические черты. В 40-х годах, по словам П. В. Анненкова, «все учения жили в смешанном виде и исповедывались как-то враз». В России начинались только поиски правильной революционной теории.

Утописты-социалисты мечтали о гармонической разумной жизни на земле, клеймили эксплоататоров, вскрывали язвы классового общества, не вмешиваясь активно в ход исторических событий. Они мечтательно строили желаемые идеалы, детально описывали формы разумного устройства жизни и своей пассивной пропагандой по сути уходили в сторону от острой классовой борьбы. Это был в сущности «не социализм,—говорит В. И. Ленин,— а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которую облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия...»[1] Сен-Симон проповедывал полное равенство людей, учил, что будущее принадлежит промышленному труду, мирной работе и промышленной деятельности, что полезен только производящий класс людей. Он отрицал эксплоатацию человека человеком и придавал большую роль науке и государству в хорошей органи-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XV, стр. 465.

зации промышленности. Он ярко рисовал классовую борьбу в буржуазном обществе, но отрицал её необходимость для построения будущего. Он не хочет «производить переворот, революцию», а склоняется к мирной и «тихой эволюции». Маркс и Энгельс считали Сен-Симона «самым универсальным умом своего времени» и указали на незрелость его теории, обусловленную незрелостью общественных отношений той эпохи. Основоположники научного социализма гордились тем, что «вели своё происхождение» от Сен-Симона, считали его «величайшим умом всех времён» [1] наряду с Гегелем, но только Маркс и Энгельс создали правильную революционную теорию.

Передовые русские люди 40-х годов находились под сильным влиянием идей Сен-Симона. Это влияние сказалось на Герцене, Белинском, Петрашевском, Милютине, Майкове, Салтыкове.

Следует отметить, что русские люди этой эпохи пошли дальше французских утопистов. Они ясно видели их недостатки, принимали наиболее сильную сторону — критику классового общества — и прилагали её к самодержавно-крепостническому строю. Защита интересов закрепощённого крестьянства неизбежно становилась при этом в центре внимания.

В кружке Петрашевского Салтыков был теснее всего связан с В. Милютиным и В. Майковым. Милютину он посвятил первую повесть «Противоречия». В журнале «Отечественные записки», кото-

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 142, 524, 625.

рым руководил Майков после ухода Белинского в «Современник», он поместил ряд рецензий и свои первые повести.

Салтыкову всю жизнь были дороги и близки идеи утопистов о «добре, истине, красоте и любви», но он видел недостатки утопистов в пассивности, мечтательности, оторванности от жизни. Он стремился к активному вмешательству в ход исторических событий, к ломке устаревших форм. Как и утописты, Салтыков верил в лучшее будущее. Он принимал их критику существующего общества, но никогда не рисовал оторванных от исторической обстановки картин лёгкого и быстрого изменения действительности.

«Ошибка утопистов, — писал Салтыков, — заключалась в том, что они, так сказать, усчитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями... Они думали, что человек сам собой, независимо от внешней природы и её таин, при помощи одной доброй воли, может создать своё конечное благополучие... [Фурье] думал, что комбинированная им форма общежития может существовать во всякой среде, не только не рискуя быть подавленною, но приготовляя своим примером к восприятию новой жизни самых закоренелых профанов, — и тоже ошибся в этом. Затем, большинство его последователей было таково, что придерживалось именно буквы учения, и в особенности настаивало на его подробностях. В результате оказалось явное противоречие с беспрерывно нарастающими жизненными требованиями, а за противоречием последовало недоверие, смех, надругательства. Великие

основные идеи о привлекательности труда, о гар
монии страстей, об общедоступности жизненны
благ и проч. были заслонены провидениями, регл
ментацией и, в конце концов, забыты или, п
крайней мере, рассыпались по мелочам».[1]

Салтыков усвоил сильную критическую сторон
утопистов, наполнил её страстной верой в будуще
верой в неизбежную гибель несправедливого стро
жизни и конечное торжество справедливого социа
листического устройства общества. Но подробно
сти этого социалистического устройства, провид
ния и регламентацию он считал ошибкой утопистов
критиковал за эту регламентацию даже роман Чер
нышевского «Что делать?» (сны Веры Павловны
хрустальный дворец, артели), считал её самым
слабым местом романа. Он знал, что при помощ
одной доброй воли «невозможно достигнуть непре
менно имеющей быть» гармонии общества.

«На мой взгляд, — писал Салтыков, — желае
ный успех не только сомнителен [у утопистов]
но прямо невозможен». Невозможен потому, чт
утописты думали достигнуть его апелляцией к че
сти и совести эксплоататоров в защите бесправных
униженных и обиженных, а для этого делались по
пытки компромиссов и примирения. Но эти послед
ние не могут привести к общественному переустрой
ству, указывает Салтыков. «Чем больше делается
попыток в смысле компромиссов, чем больш
возлагается надежд на примирение, тем выш

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 445—446.

становится уровень требований противоположной стороны. Это аксиома, быть может, очень неутешительная, но аксиома».

Страстная вера Салтыкова в торжество справедливого социалистического устройства искала путей активного вмешательства в общественную жизнь для воздействия на ход исторического развития. Эти поиски определили идейно-политическое и художественное развитие Салтыкова, наложили глубокую печать на его творчество, напряжённо и мучительно волновали писателя на протяжении всей его жизни. В своих поисках Салтыков остался типичным просветителем и утопистом, как и Чернышевский и другие великие русские писатели «старой» народнической демократии.

В мучительных поисках Салтыкова сказались не только глубоко личные черты, но отразилась целая полоса общественно-политического развития России.

«В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, — говорит В. И. Ленин, — под гнётом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обу-

чения, испытания на практике, разочарований, про
верки, сопоставления опыта Европы».[1]

На этот полувековой период исканий правильно
революционной теории в России, с 40-х до 90-
годов прошлого века, и падает литературно-публи
цистическая и художественно-сатирическая деятель
ность Салтыкова.

В 40-е годы Салтыков знакомится с материали
стической философией. Сохранился его конспек
книги французского материалиста XVIII века Каб
ниса «Соотношение физического и морального чел
века». Не подлежит сомнению, что он читал и дру
гих французских материалистов, изучал Геге
и Фейербаха. В повести «Запутанное дело» (184
прямо называется имя Фейербаха, со взглядам
которого он мог первоначально ознакомиться
статьям Белинского.

Салтыков считал, что в основе всего лежит мат
рия. В центре его внимания — человек. Салтыко
любит русскую северную природу «не для не
а для человека, которого она воспитала и которо
она объясняет». На природу и на человека он смо
рит как на процесс постоянного изменения и дв
жения. В «Современных призраках» Салтыков вы
ступает как атеист. Он критикует вековой кодек
житейской мудрости о существовании добра и зл
который «однажды приняв... за истину неподви
ную, делают его мерилом всех наших побужде
ний... Всё проходящее перед нашими глазами, -
пишет Салтыков, — всё доступное нашему поним

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXV, стр. 175.

нию, распадается на две противоположные области: тёмную, в которой царствует зло, и светлую, в которой господствует добро. И затем очень легко возникает у нас целая система, вооружённая разными арсеналами подробностей; является борьба духа с материей, из которых первый, конечно, преобладает, вторая, конечно, подчиняется; а так как практика беспрерывно опровергает это положение к удовольствию материи, то как пополнение к теории преобладания духа изобретается другая теория — о несовершенстве сего мира и о некоторых таинственных наградах и наказаниях. Одним словом, тут возникает целый фантастический мир, до такой степени лишённый реальных оснований, до того непоследовательный и разрозненный, что отношение к нему утрачивает форму разумности и окончательно переходит на почву упований».

Салтыков подчёркивает, что «искание более твёрдой почвы для человеческих убеждений и действий» приводит «в область естествознания и недоверия метафизике». Убеждённый материалист, он защищает само понятие «материализм» от грубого и вульгарного представления о нём.

«Если я встречаю человека, — пишет Салтыков, — который говорит, что он материалист, а доказывает это тем, что каждый день обжирается и напивается, а вечером ходит в танцкласс..., то я говорю ему: «Нет, ты не материалист, а свинья».

В «Губернских очерках» и «Современных призраках» Салтыков высмеивает идеализм, явно пародирует Гегеля и указывает, что «путём идеализма можно дойти до самых крайних нелепостей». Мате-

риализм Салтыкова, с его провозглашением челове
ка, атеизмом, отрицательным отношением к мет
физике и идеализму, близок к философии Фейербах
и вслед за материализмом Чернышевского подн
мается над ним, преодолевая пассивно-созерцател
ный характер.

Как и Чернышевский и другие материалисты до
марксова периода, Салтыков оставался идеали
стом-просветителем в объяснении общественных я
лений.

Близко подходя к пониманию закономерносте
исторического развития и классовой борьбы, Щед
рин всё же в силу отсталости развития России н
мог дойти до марксистского понимания движущи
сил общественного процесса.

«История имеет свои повороты, которые невоз
можно изменить, а тем менее устранить, — пише
он в «Убежище Монрепо». — Это, конечно, не сле
пой фатализм, перед которым не остаётся ничег
другого, как преклониться, потому что за ним стои
целый легион тёмных сил; но всё-таки это зако
и именно закон последовательного развития одни
явлений из других. Явления приходят на арен
истории, как бы крадучись и почти не обнаружива
своей внутренней подготовленности, — вот почем
они в большинстве случаев кажутся нам внезап
ными или произвольными».

Салтыков знал, что «жизнь идёт вперёд и разви
вается», что она «не может и не должна оставаться
неподвижною», что если она повторяется периоди
чески, то «жизнь общества утрачивает свой смыс
и держится одним формализмом». Жизнь обществ

развивается по законам «человеческой природы». И если в жизни встречаются на каждом шагу несправедливость, угнетение и нравственные чудовища, то их создаёт «не природа, но среда». Среда порождает их целым рядом «заражающих примеров», «растлевающей системой воспитания» и, наконец, «продолжительным жизненным процессом, в котором главное содержание составляет праздность».

На «праздных» и «тружеников» делит Салтыков человеческое общество и отношения людей сводит к отношению «бедности» и «богатства». Он клеймит праздных и богатых, выступает в защиту бедных тружеников. Его анализ отношений бедности и богатства в художественной форме позволил в 70-х годах нарисовать картину дифференциации русской деревни, показать кулаков-хищников Колупаевых и Разуваевых, разглядеть основную ошибку народников в их идеализации крестьянской общины и отрицании капитализма... Он видел в дифференциации крестьянства ту среду, которая породит пролетариат.

«Мудрено представить себе, до какой степени горько влияет на жизнь бедного труженика то или иное ничтожное обстоятельство: но потому мы и должны понимать, что для этой жизни нет того самодряннейшего факта, который можно было бы назвать ничтожным, — пишет Салтыков. — Интересы, повидимому, грошёвые, будучи взяты в своей совокупности, составляют такую громадную сумму, под бременем которой положительно погибает член

так называемого «несуществующего» у нас проле тариата».

В основе закономерности исторического развити общества Салтыков видел степень развития созна ния. «Сама история развития человеческих общест есть не что иное, — говорит он,—как история раз вития масс под влиянием сознательной мысли». Эт типичное представление просветителя-демократа и социалиста домарксова периода.

Да и самую бедность народных масс Салтыко видит в степени их сознательности. «Главная и са мая существенная причина бедности нашей народ ной массы, — говорит он, — заключается в недо статке сознания этой бедности», что, будь это со знание, «и главные причины нашего экономическог неустройства, т. е. случайность, неожиданность произвол и т. д., устранились бы сами собой».

Салтыков реально изображал современные ему классы, беспощадно бичевал хищников капитализ ма, но рассматривал всё движение и развитие об щества с утопической надклассовой точки зрения на природу человека. Он, как и Чернышевский, го воря словами В. И. Ленина, «не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгель са». [1]

Под сильнейшим влиянием идей утопическог социализма и материализма Салтыков пишет свои первые повести «Противоречия» и «Запутанное де-

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XIII, стр. 295.

ло». В них как бы подведён итог идейных исканий молодого Салтыкова.

В повести «Противоречия» рисуется жизнь молодого человека, который гибнет в нищете и не в состоянии разрешить ни одного жизненного противоречия. Он безволен и пассивен. В гибели героя — приговор писателя пассивной созерцательности и беспредметной мечтательности.

В повести «Запутанное дело» тема социального неравенства проходит через весь рассказ. Герой повести Мичулин, голодный, униженный и оскорблённый человек, погибает, в то время как рядом веселятся обеспеченные и богатые. В предсмертном бреде Мичулина возникает картина современного общества в виде пирамиды, в основании которой стоят угнетённые трудящиеся массы народа, а на них всею тяжестью давят богатые и всесильные властители мира.

Образ социальной пирамиды был типичен для утопических социалистов и пользовался в 40-х годах широкой известностью. Но в «Запутанном деле» Салтыков не просто повторяет идеи утопистов. Устами Мичулина он критикует беспочвенную мечтательность «новейших социалистов» и выводит утопию свою из «исторического развития действительности», населяет её «не мёртвыми призраками, а живыми людьми, имеющими плоть и кровь», вскрывает основное жизненное противоречие — социальное неравенство людей. Гибель Мичулина неизбежно приводит читателей к выводу о необходимости революционного изменения такого строя, при котором одни блаженствуют в роскоши, другие

гибнут в бедности. Неудивительно, что современники увидели в повести не что иное, как проповедь необходимости «гильотины для всех богатых и знатных».[1]

Повесть «Противоречия» была напечатана в ноябрьской книжке «Отечественных записок», за 1847 год, а через три месяца, в мартовской книжке того же журнала, появилась повесть «Запутанное дело». В феврале 1848 года во Франции произошла революция, отзвуки которой широкой волной прокатились по всей Европе, сильно напугав царских сановников и самого Николая I. С особым сочувствием следили за ней передовые русские люди. И это заставило правительство утвердить специальный негласный комитет «для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и направлением печатаемых в России произведений» 2 апреля 1848 года, под председательством Бутурлина. Комитет ревизовал «литературу по случаю февральской революции», обратил внимание на предосудительное направление повестей Салтыкова, но никакого вывода ещё не делал. Николай I указал военному министру Чернышову на сочинение его подчинённого, в котором «оказалось вредное направление и стремление к распространению революционных идей, потрясших всю Западную Европу». Перепуганный словами царя, Чернышов назначил следствие. Салтыкову грозило разжалование и от-

---

[1] Переписка *Я. К. Грота* с *П. А. Плетнёвым*, т. I, Спб. 1896, стр. 209.

дача в солдаты. Следственная комиссия подошла более мягко, хотя делопроизводитель комиссии Н. В. Кукольник и находил в повестях «некоторое увлечение коммунистическими и западными революционными идеями».[1] Салтыков был арестован и отправлен в сопровождении жандарма в вятскую ссылку под надзор начальства.

«Всё это, — писал Салтыков впоследствии, — конечно, сделалось не так быстро, как во Франции, но зато основательно и прочно, потому что я вновь возвратился в Петербург лишь через семь с половиной лет».

Так сурово расправилась николаевская реакция с молодым писателем за его первые повести. Впрочем, ссылка, вероятно, спасла Салтыкова от ещё более тяжёлой участи. Через год был раскрыт и арестован кружок русских утопистов-социалистов, группировавшихся вокруг Петрашевского, с которым Салтыков был связан. Члены кружка, в их числе гениальный писатель Ф. М. Достоевский, были приговорены к смертной казни, которую только на эшафоте заменили каторжными работами. Находясь в Вятке, Салтыков был привлечён к допросу по делу Петрашевского. Есть указания, что он был предупреждён о следствии, которое, кроме самых общих заявлений о знакомстве с Петрашевским, не выявило его связей и роли в кружке социалистов-утопистов.

---

[1] «Литературное наследство» № 13—14, 1934, стр. 490.

IV. ШКОЛА ЖИЗНИ

Семилетняя ссылка Салтыкова совпадает с годами самой мрачной полосы николаевской реакции, наступившей после европейских революций 1848 года. В вятской ссылке Салтыков оказался в полной изоляции от друзей и литературной жизни. Прежние связи оборвались.

Эту изолированность и полное одиночество он остро переживал. В глухой провинции сильно чувствовалось разлагающее влияние дворянской и чиновничьей среды. Она одуряюще действовала на людей, и её тлетворный дух Салтыков яростно разоблачил в своей сатире. «О провинция, — писал он, — ты растлеваешь порывы сердца, уничтожаешь всё, даже самую способность желать».

В ссылке Салтыков почти не писал художественных произведений. Единственный рассказ «Брусин», законченный им в ссылке, был начат в Петербурге. По замыслу этот рассказ тесно примыкает к повестям «Противоречия» и «Запутанное дело».

Герой рассказа Брусин был утопистом, мечтал «про какие то отдалённые времена, которые должны были придти после скончания веков, с удивительной лёгкостью устраивал счастье и будущие судьбы человечества и, между тем, не мог предложить ни одного средства, каким образом нужно бы вести человека к этим будущим судьбам». Устами рассказчика Салтыков осуждает Брусина за то, что в нём «стремления строить утопии была доза препорядочная; практического смысла — нисколько. А без этого всякая утопия — нелепость». Все утопиче-

ские мечтания молодого человека кончаются «нелепой любовишкой».

Брусин становится жертвой «своего затейливого воображения». Одно действующее лицо рассказа на вопрос «кто виноват?» в том, что силы и энтузиазм героя не находят себе приложения, отвечает, что виновника следует искать скорее «в воздухе», чем в человеке. Но ответ Салтыкова иной. В условиях политической реакции «воздух» общественной жизни заставляет искать такого образа действий, который бы вселял в человека сознание, что он не напрасно истратил «свою жизнь, а сделал всё, что мог, чтобы быть полезным». И если судьба закинет «в какой нибудь сквернейший уездный городишко», — явный намёк писателя на свою ссылку, — то и здесь «нужно действовать, как можно больше действовать!». Лучшим девизом в этом случае будет: «Живи как живётся, делай как можется».[1]

Всё это отражает настроения и думы писателя в период его ссылки и во многом раскрывает его поведение и образ действий.

Человек слабой воли и нетвёрдых убеждений был бы засосан провинциальной средой. Но Салтыков стойко выдержал её разлагающее влияние. Он изучал, наблюдал и анализировал окружающий быт и жизнь, накапливая тем самым материал для своих будущих произведений. За эти годы он много пережил, многое передумал и прочувствовал. В письмах к родным Салтыков жаловался на полное одиночество и скуку, доходил порою до мрачного от-

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. I, стр. 332.

чаяния и с глубоким трагизмом писал о своём положении: «Мне так скучно, так грустно, что нет возможности терпеть более, потому что я совершенно один...» «Это почти смерть и даже хуже, — писал он. — Гибну среди нелепых бумаг и подлейшего бостона».

Среди губернских чиновников Салтыков выделялся своими знаниями, серьёзной подготовкой и работоспособностью. Он исполнял обязанности правителя губернской канцелярии, занимал пост советника губернского правления, разъезжал с ревизией уездных учреждений, выявлял взяточников и казнокрадов, беспощадно преследовал и возбуждал против них судебные дела.

Салтыков делал всё, чтобы облегчить жизнь крестьян. Расследуя дело о крестьянских волнениях в одной из волостей, он спас крестьян от неизбежной в таких случаях массовой порки, а иногда и расстрелов. Ведя следствие о раскольниках в Вятской, Казанской и Нижегородской губерниях, он не совершил ни одного из таких действий, за которые ему бы пришлось краснеть.

Заброшенный в глухую провинцию, Салтыков не сидел сложа руки, а делал всё, что мог, боролся как мог с уродствами и нелепостями провинциальной жизни.

Во всё время пребывания в вятской ссылке над Салтыковым тяготели подозрение и полицейский надзор. Ходатайства о смягчении наказания, в виде ли перевода его на службу в другие губернии или освобождения из ссылки, Николай I неизменно отклонял. Только после смерти Николая I Салтыков

получил, наконец, право служить и жить, где пожелает. В конце декабря 1855 года он покинул Вятку и, посетив своих родных и Москву, выехал в Петербург.

Несмотря на все тяготы, моральные давления и тлетворный быт провинциального захолустья, семилетняя ссылка, по собственному признанию Салтыкова, была «великой школой», — хотя школой «грязной..., полной клеветы и оскорблений». Эта «школа» открыла перед ним жизнь и быт чиновной бюрократии, провинциальные нравы, позволила изучить типы чиновников и губернских помпадуров. Из этой «школы» Салтыков вынес знание русской крепостнической действительности, простого русского народа и его жизни, страстно возненавидел царскую реакцию и её носителей всех рангов и положений. Нужно было досконально изучить «болото» провинции, познать «всевластное, безответственное и тунеядствующее русское чиновничество» *(Ленин)*, чтобы в большом художественном произведении сорвать с него все и всяческие маски, заклеймить в своей бессмертной сатире.

Приезд Салтыкова в Москву, а затем в Петербург совпал с началом общественного подъёма 60-х годов. Поражение николаевской реакции во время Крымской войны 1854—1855 годов показало всю гниль самодержавно-крепостнического строя. Везде заговорили о реформах, в первую очередь об освобождении крестьян от крепостной зависимости, искоренении произвола и взяточничества. В газетах и журналах появилась критика наиболее гнус-

ных сторон николаевского режима, в особенности чиновной бюрократии.

«Добравшись до Москвы, — рассказывает Салтыков, — я сразу нюхнул свежего воздуха. Бедному провинциалу было отчего угореть. Когда я добрался до Петербурга, то там куренье на улицах было уже в полном разгаре... Несмотря на то, что цензура ещё не была упразднена, печать уже повысила тон. В особенности провинциальная юродивость всплыла наружу... Что касается устности, то она была просто беспримерная... Словом сказать, пробуждение было полное».

В этой обстановке общественного подъёма Салтыкову было что сказать о провинциальной юродивости и мерзости «нашего всероссийского быта». В Петербурге он сразу принялся за обличительные «Губернские очерки», в которых решил показать все уродства и «болото» провинции.

V. ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

В Петербурге Салтыков заводит новые литературные знакомства, стремится к сближению с прогрессивной журналистикой. На страницах журнала «Современник» он предполагал печатать «Губернские очерки». Цензурные условия Петербурга и отчасти отрицательный отзыв И. С. Тургенева не позволили Салтыкову осуществить своё намерение. «Губернские очерки» пересланы были в Москву и начали появляться в журнале «Русский вестник» со второй половины 1856 года. В начале 1857 года вышло отдельное издание первой книги очерков

и разошлось в течение месяца — успех для того времени небывалый.

«Губернские очерки» печатались под псевдонимом Н. Щедрин. Под этим именем Салтыков прочно входит в литературу и очень скоро становится одним из известнейших русских писателей, наряду с Гончаровым, Тургеневым, Л. Н. Толстым.

Успех «Губернских очерков» объясняется в первую очередь их острой публицистической направленностью. В них Салтыков даёт яркую картину провинциальной жизни, вводит читателя в быт Крутогорска (первоначально он хотел назвать этот город Свиногорском), разоблачает бюрократов-чиновников прошлых времён и кляузные обстоятельства чиновного быта, «талантливых натур» — лишних людей из дворян-бездельников, даёт широкий показ жизни простого русского народа. Разоблачительная сила очерков — в ярком сатирическом изображении провинциального чиновничества, начиная от самодура губернатора и кончая мелкими взяточниками. Все типы и события приурочены к определённой среде середины прошлого века. Здесь живоглоты-чиновники и чиновники-озорники, купцы-хищники и купцы-«цивилизаторы», вырождающиеся «талантливые натуры» и «лишние люди», тёмный сложный мир русских раскольников и «странники и прохожие», — словом, вся изнанка парадной и официальной царской России. В «Губернских очерках», как в фокусе, собраны язвы бюрократического царского строя крепостников-помещиков и тунеядствующей бюрократии. В условиях нарастающего революционного кризиса 60-х годов «Губернские очерки», си-

лой своего разоблачения, становились действенной политической силой. Именно так и были они восприняты читателями.

«Сначала показалось скучновато, — рассказывает современница Щедрина В. И. Дмитриева о первом впечатлении, произведённом «Губернскими очерками», — но чем дальше, тем больше я втягивалась в жизнь города Крутогорска и, наконец, передо мной развернулась такая потрясающая картина нашего общего российского бытия, что уже не смутная тоска, а ужас и злость переполнили мою душу. Сразу как то определилось, оформилось и приобрело реальную установку всё жившее во мне чувство глухого протеста, сам собой явился прямой и жестокий вывод: вся Россия такая, везде гадость, мерзость, насилие, несправедливость. Наверху кишат Порфирии Петровичи, Хрептюгины, Налётовы, хищники, взяточники, убийцы, подлые, жадные, наглые. А внизу — забитая, несчастная крестьянская масса, которую приравнивают к стаду, грабят, бьют, презирают, лишают всяких человеческих прав».

«Губернские очерки» стали популярнейшей книгой. Ею зачитывались, ей подражали. Появилась целая плеяда подражателей Щедрина, а в критике заговорили даже о «щедринском периоде русской литературы». Никто из подражателей не достиг силы щедринской сатиры. Подражатели Щедрина изображали технику взяточничества, бичевали произвол и насилие, но их очерки были лишены той революционизирующей силы, которая была заключена в «Губернских очерках».

Щедрин до такой степени правдиво рисовал рус-

скую жизнь, что великий учёный и критик Н. Г. Чернышевский в своём первом отзыве принял очерки за мемуарные записки.

Успех «Губернских очерков» у читателей Добролюбов объясняет силой правды и типичностью изображения характеров. «Публика признала действительность фактов, сообщаемых в повестях, — писал он в журнале «Современник», — и читала их не как вымышленные повести, а как рассказы о действительных происшествиях. У г. Щедрина описан, например, Порфирий Петрович: я знал двоих Порфириев Петровичей и весь город у нас знал их; есть у него городничий Файер: и Файеров видел я несколько... Разумеется, ещё чаще видели мы Чичиковых, Хлестаковых, Сквозник-Дмухановских, Держиморд и проч.».

Эту правдивость высоко оценил Чернышевский, который нашёл в «Губернских очерках» «много материалов для размышления». Изображённая в очерках жизнь, по его словам, так типична, что к трём томикам, собранным и изданным Щедриным, можно прибавить «двадцать огромных томов комментариев». Чернышевский нашёл «Губернские очерки» «прекрасным литературным явлением», благородной и превосходной книгой, принадлежащей «к числу исторических фактов русской жизни», книгой, которой «гордится и долго будет гордиться наша литература. В каждом порядочном человеке русской земли, — писал он, — Щедрин имеет глубокого почитателя. Честное имя его между лучшими и полезнейшими и даровитейшими людьми нашей родины».

Чернышевский не ошибся. Щедрин в своём лите-

ратурном развитии шёл к лучшим русским людям 60-х годов, к революционной демократии. Но путь его был сложный. В обстановке нарастающего революционного кризиса Салтыкову нужно было разобраться в окружающей жизни и общественной борьбе, преодолеть дворянские предрассудки, привитые средой и воспитанием в привилегированной школе, рассеять либеральные иллюзии, чтобы окончательно примкнуть к революционной демократии. Чернышевский и Добролюбов чувствовали наличие этих предрассудков в «Губернских очерках», но правильно предугадали, что они преодолимы.

Преодоление дворянско-либеральных предрассудков Салтыкова осложнялось ещё и тем, что вокруг «Губернских очерков» завязалась литературная борьба. Либерально-дворянская критика изо всех сил стремилась доказать, что Щедрин нарисовал лишь отдельные типы царской бюрократии, описал такие факты, которые вполне исправимы в рамках самодержавно-царского строя. Этим самым выхолащивалось революционизирующее значение «Губернских очерков», которое хорошо оценили и подчеркнули Чернышевский и Добролюбов.

По возвращении из вятской ссылки Салтыкову не так легко было разобраться в сложной и напряжённой общественно-политической обстановке страны. Несмотря на увлечение утопическим социализмом и трезвые материалистические взгляды, Салтыков своим происхождением, воспитанием и положением был связан с дворянством. Либеральные веяния 60-х годов, иллюзии реформ и компромиссов совпадали с положениями утопистов о возможности

борьбы с уродствами и нелепостями жизни в рамках существующего строя. Это замедляло и осложняло процесс размежевания тем более, что Салтыков, как и Герцен и даже Чернышевский в очень короткий период, поверил на первых порах в возможность обновления России «сверху», путём царских реформ. В «Губернских очерках» эта вера сильно сказалась. Салтыков склонен был думать, что прогрессивный реформизм похоронит старые времена. В заключительном рассказе «Губернских очерков» «Дорога» он нарисовал картину смятения и злобного испуга чиновной бюрократии, всех этих Порфириев Петровичей, Буераковых, Файеров и живоглотов, перед видом похоронной процессии: «Прошлые времена хоронят».

Либерально-дворянские иллюзии сказались и в том, что вслед за «Губернскими очерками» Щедрин задумал «Книгу об умирающих», которая должна была быть прямым продолжением очерков. Из «Книги об умирающих» Щедрин напечатал лишь несколько отрывков в «Русском вестнике» за 1858 год. В этой книге автор хотел нарисовать галлерею физически и духовно вымирающих типов прошлых времён. Но от замысла пришлось отказаться. В 1858 году явно чувствовался спад дворянского либерализма. Царизм, заигрывая с либералами, вовсе не собирался «хоронить старые времена» и очень осторожно, по крайней необходимости, боясь крестьянской революции, готовил освобождение крестьян от крепостной зависимости. Из всего этого Салтыков извлёк некоторые уроки и сделал некоторые выводы.

Несмотря на крупный успех «Губернских очерков», Салтыков всё ещё не связал себя с какой-нибудь определённой литературной группой, не определил чётко своих позиций. Он сотрудничал в либеральном «Русском вестнике», типично дворянском журнале «Атеней», «Библиотеке для чтения», был близок к славянофилам и к журналу революционных демократов «Современник». Салтыков в то же время продолжал служить, вначале в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел, а затем получил назначение на пост рязанского вице-губернатора. Покровительство известного либерально-дворянского деятеля 60-х годов Н. А. Милютина и министра С. С. Ланского связывало его с либералами.

Служба в Петербурге в 1856 — 1857 годах во многом носила литературный характер. Салтыков составлял записки, обзоры, доклады, из которых кое-что печаталось в официальных изданиях министерства внутренних дел. Служба в должности вице-губернатора в Рязани с апреля 1858 года, а затем в Твери с июня 1860 по январь 1862 года не только обогатила его новыми наблюдениями и материалами, но и способствовала окончательному рассеянию либерально-дворянских иллюзий.

В 60-х годах прошлого века основным вопросом общественно-политической жизни был вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Отношение к этому вопросу определяло позиции политических группировок, горячую полемику и направление журналов. Иллюзии Салтыкова о возможности мирного обновления путём реформ и силы

личного примера — быстро таяли. Всё больше и больше становилось ясным, что дворянский либерализм был глубоко реакционным и стремился к укреплению царских устоев путём некоторых уступок. Служба ставила Салтыкова в крайне противоречивое положение. Вера в реформизм и силу личного примера заставляла его разоблачать «старые времена», взяточников, казнокрадов и бюрократов, настойчиво вводить законность. Он защищал интересы народа, крестьянских масс, «согнутого в бараний рог» мужика. Служебную деятельность Салтыкова в Рязани хорошо характеризует одна сказанная им фраза: «Я не дам в обиду мужика! Будет с него, господа... Очень, слишком даже будет».

Защитой народа Салтыков заслужил ненависть местного чиновничества и дворянства, получил известность «злейшего интригана» и «вице-робеспьера». Письма Салтыкова полны жалоб на тупоумие и реакционность дворянства, на безграмотность и продажность чиновников и самодурство губернских «помпадуров» и «помпадурш». С их стороны «рвения к освобождению крестьян незаметно никакого, а, напротив, слышен повсюду плач и скрежет зубовный». На Салтыкова писались доносы и жалобы, а в самой Рязани «хотели было судить за демократизм».

Служебная практика рассеивала не только веру в либеральный реформизм, но и в просвещённого чиновника. При всём своём стремлении облегчить положение народа просвещённый чиновник, натолкнувшись на сопротивление дворян и царской бюрократии, ничего не мог сделать. В письме к Безобра-

зову из Рязани Салтыков рассказывает про одного помещика, отставного военного, который при обсуждении вопроса об отмене крепостного права «долго крепился и молчал, но под конец не выдержал и выразился так: «Отлично, господа! всё это хорошо! Только я вам вот что скажу: хоть вы пятьсот рублей штрафа положите, а уж я по мордасам их [крестьян] колотить всё-таки буду!». Всё это исторически верно, замечает Салтыков.

В Тверской губернии, куда Салтыков был переведён вице-губернатором, дела с освобождением крестьян шли не лучше. «Крестьяне не хотят и слышать о барщине и смешанной повинности, — пишет он Якушкину, — а помещики, вместо того чтобы уступить духу времени, только и вопиют о том, чтобы барщина выполнялась с помощью штыков». В полемических статьях того времени Салтыков ещё пытался убедить дворян в необходимости прекратить «решение возникающих вопросов при помощи полицейских мер» и пойти на уступки. Но его призыв оказался голосом вопиющего в пустыне. Все его протесты ни к чему не привели. «Тупоумие здешних властей по крестьянскому делу столь изумительно, что нельзя быть без отвращения свидетелем того, что делается, — писал Салтыков своему другу Анненкову в мае 1861 года. — Думаю к осени совсем рассчитаться с службой и делаю распоряжения, чтобы достигнуть этого счастливого результата». В начале января 1862 года Салтыков вышел в отставку.

Пятилетняя служба в провинции не прекратила литературной работы Салтыкова. Рассказы, очерки

и статьи он печатал в журналах и газетах. С 1860 года он сотрудничает преимущественно в «Современнике». Напечатанные в это время рассказы и очерки вошли позднее в книги «Сатира в прозе» и «Невинные рассказы».

Сразу же после отставки Салтыков намеревался поселиться в Москве и задумал издавать журнал «Русская правда», совместно с Унковским и бывшими петрашевцами Европеусом, Плещеевым и др. В число постоянных сотрудников нового журнала были приглашены Чернышевский и Некрасов. Но издание «Русской правды» не было разрешено. Переехав в Петербург, Салтыков стал постоянным сотрудником «Современника», а в 1863 — 1864 годах — одним из редакторов этого журнала.

VI. ЩЕДРИН В «СОВРЕМЕННИКЕ»

Сближение Салтыкова с редакцией журнала «Современник» не было случайным и подготовлялось всем развитием его литературной деятельности.

Начиная с 1857 года очерки и рассказы Щедрина стали появляться на страницах «Современника». В них писатель выступает защитником закрепощённого крестьянства, показывает, как в народе назревает стихийный протест против крепостников-угнетателей, растёт революционно-бунтарская активность («Развесёлое житье», 1859 г.), пробуждается чувство человеческого достоинства. В крестьянской массе Щедрин видит единственно здоровую силу, способную обновить Россию, и убеждён, что правда и торжество на её стороне. Именно поэтому Салты-

ков призывал дворян капитулировать перед крестьянством, уступить «духу времени» (рассказ «Скрежет зубовный», 1860 г.). Во всём этом сказывались ещё его либеральные иллюзии, но высказывались взгляды, близкие революционным демократам.

В скором времени Щедрин убедился, что рассчитывать на силу логических доводов и то, что крепостники поймут их и пойдут по пути «новых веяний», не приходится. В очерке «Клевета» (1861) он нарисовал чиновника, который хотел честно служить народу, но был оклеветан, лишён должности и изгнан из среды бюрократов. Попытка чиновника сделать «крепостников-глупцов» «умновцами» провалилась. Щедрину всё более становится ясным, что не только провинциальные бюрократы, но и бюрократы столичные полны ненависти даже к куцой крестьянской реформе. Либерализм дворянства при этом превращается в ненужный «дружеский» хлам, а надежда на «реформу сверху» — в пустую иллюзию. Либеральные иллюзии писателя сменяются полным недоверием к дворянским либералам, крепостникам-помещикам и царской бюрократии (очерк «Наш дружеский хлам», 1861 г.).

В крестьянской реформе 1861 года Щедрин вслед за Чернышевским разглядел половинчатость и пришёл к выводу о необходимости революционного преобразования жизни.

Отталкиваясь от злободневных вопросов современности, Щедрин анализирует их и даёт глубокие обобщения, которых ещё не было в «Губернских очерках». Его меткие определения, крылатые словечки ярко характеризовали окружающее. Сатири-

ческое мастерство Щедрина заметно росло и крепло по мере сближения с революционной демократией.

Накануне реформы 1861 года Щедрин опубликовал очерк «Литераторы-обыватели», в котором появляется образ города Глупова, ставший позднее, в «Истории одного города», обобщением всей самодержавно-крепостнической реакции. Глуповцы, всевозможные хищники, Сидоричи, сначала «забавлялись медвежьими травлями и петушиными боями, но постепенно это зрелище [им] надоело... место медведей и петухов заступили Иванушки».

«Иванушки» — трудящиеся крестьянские массы. Их судьба больше всего и беспокоит писателя. Щедрин издевается над «постепенной, неторопливой» гласностью либералов и убеждён, что либералы никогда не достигнут обновления жизни. «Глупову» он противопоставляет «Умнов» (очерк «Наши глуповские дела»), все его симпатии на стороне «Умнова», на стороне революционного преобразования жизни.

В очерках «К читателю» и «Каплуны» Щедрин говорит о путях и методах революционной борьбы. Он требует активных действий против царской реакции, помещиков-крепостников и либералов, призывает исходить в этой борьбе из конкретно жизненных условий, с учётом психологии и уровня угнетённых масс, выступает против оторванности от жизни, требует практического смысла действий, которые были бы понятны народу. В этом смысл его очерка «Каплуны». Некоторые современники восприняли тактику Салтыкова, как уступки. «Тут

дело совсем не в уступках, — поясняет он свои мысли в письме к Чернышевскому от 29 апреля 1862 года, — а тем менее об уступках в сфере убеждений, а о необходимости действовать всеми возможными средствами, действовать настолько, насколько каждому отдельному лицу позволяют его силы и средства... По моему мнению, главное теперь — единство действия и дисциплина. Если будет существовать эта последняя, то, само собой разумеется, устранится возможность множества ошибок».

В состав редакции «Современника» Салтыков вошёл в 1863 году, после ареста Чернышевского, и этим самым чётко определил свои позиции. К этому времени ясно обозначился единый фронт царской реакции, крепостников-помещиков и либералов против революционной демократии.

После ареста Чернышевского революционная демократия лишилась не только великого учёного, критика и вождя, но и руководителя журнала. В «Современнике», кроме Некрасова, остались работать историк литературы А. Н. Пыпин, числившийся официально ответственным редактором М. Антонович, Ю. Жуковский и Г. Елисеев. Руководящую роль пытались играть Антонович и Жуковский, но в их статьях был уже явно заметен отход от позиций Чернышевского и Добролюбова в сторону либерализма.

На страницах «Современника» Щедрин выступает больше всего как публицист и критик и в своих статьях продолжает линию Чернышевского и Добролюбова. Он ведёт в журнале серию хроникаль-

ных очерков «Наша общественная жизнь», пишет критические статьи и рецензии, помещает ряд художественных рассказов, которые позднее вошли в книги «Невинные рассказы», «Помпадуры и помпадурши» и «Признаки времени».

С позиции Чернышевского и Добролюбова Щедрин оценивает все явления русской жизни. Он настойчиво проводит мысль, что только революционное «упразднение» помещичьего владения землёй может привести к обновлению России. Критику царской реакции, помещиков и либералов он распространяет на весь охранительно-реакционный дворянский строй и дворянскую культуру в целом. Он приходит к полному отрицанию не только царской реакции, крепостнического и либерального дворянства, но и всей дворянской культуры, забывая при этом о её прогрессивных элементах.

Глубокое знание русской жизни, активное участие в общественно-политической борьбе неизбежно толкали его к осмыслению происходящих в стране явлений. Его волнует вопрос о революционной практике и возможности революции в России. В стране повсеместно происходили крестьянские бунты против помещиков. Крестьянство Щедрин считал подлинной силой, которая обновит Россию. Но в то же время неорганизованность, стихийность и единичность крестьянских бунтов не позволяли ему видеть в крестьянстве силу, способную совершить революцию. Он верил, что в огне крестьянской народной революции погибнет реакция, и эту свою веру показал в апофеозе «Истории одного города», но конкретных путей революции он не ви-

дел, вернее, не мог видеть в 60-х годах. Он был просветителем-утопистом, смутно предугадавшим то, что так гениально раскрыл в крестьянстве 60-х годов В. И. Ленин: «...века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещённых никаким политическим сознанием...». [1]

Между тем проведение куцой крестьянской реформы, польское восстание 1863 года, спад крестьянских бунтов приводили к дифференциации сил. Революционный кризис 60-х годов так и не разразился взрывом. Это сказалось и в литературе. Идеи Чернышевского и Добролюбова упрощались и вульгаризировались на страницах журналов «Русское слово», а затем «Дело». Завязалась полемика Д. И. Писарева с «Современником». В эту полемику ввязался Ф. М. Достоевский, который с «почвеннических», близких к славянофильству, позиций подвергал «Современник» резкой критике. В этой полемике Антонович и Жуковский не удержались на теоретической высоте и последовательности позиций Чернышевского. Только Щедрин последовательно продолжал его дело в журнале. Но именно поэтому Щедрин и подвергался наиболее резкой критике и Писарева и Достоевского.

При ведении этой полемики Щедрин скоро почувствовал, что внутри редакции «Современника» он не пользуется поддержкой Антоновича, Жуков-

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XV, стр. 143.

ского и Пыпина. На его стороне был лишь Некрасов.

Статьи Щедрина задерживались в редакции и подвергались переделке, что вызывало его недовольство. Но особенно угнетало цензурное давление. Цензура видела в нём продолжателя дела Чернышевского, свирепо резала и запрещала щедринские статьи. Всё это приводило не только к моральным оскорблениям и унижениям, но сказывалось и на материальном положении Салтыкова, которое зависело теперь только от литературного заработка. Мать писателя лишила его денежной поддержки. Рассчитывать на гонорары «Современника» было трудно. Салтыков ясно отдавал себе отчёт, что может быть сотрудником только этого журнала. Расхождение с Антоновичем и Жуковским по принципиальным вопросам не позволяло дальше работать в редакции. «Удивляюсь, — писал он несколько позднее в письме к Некрасову, — как это Вы допускаете Антоновича так безрассудно растрачивать Вашу собственность» (традиции Чернышевского и Добролюбова в журнале), и шутливо советовал «молиться об укрощении антоновического духа». Некрасов ценил Щедрина, но проявлял колебания.

Всё это заставило Щедрина отойти от журнальной работы, уехать в деревню и хлопотать о службе. «Я ещё живу в деревне, — пишет Салтыков в декабре 1864 года в письме к Анненкову, — дела мои до того гадки, что я собственно для того, чтобы не видать их, уезжаю в Пензу 2-го или 3-го буд[ущего] месяца. А как туда ехать противно — не можешь себе представить».

В Пензе Салтыков попал в очень тяжёлую атмосферу. Он был назначен председателем казённой палаты. Пензенским губернатором был карьерист с уголовным прошлым, предводителем дворянства — отъявленный реакционер. Они сразу невзлюбили Салтыкова. Губернская жандармерия получила предписание следить за каждым его шагом. Жандармы доносили о «дерзких речах» Салтыкова, о резких словах его, сказанных о редакторе «Московских ведомостей» М. Н. Каткове. «Катков — негодяй, он предается дворянам, которые поддерживают самодержавие» — передают жандармы отзыв Салтыкова. Губернатор посылал на него жалобы в Петербург и просил убрать неспокойного человека.

«О Пензе могу сказать одно: не похвалю, — писал Салтыков в письме к Анненкову 2 марта 1865 года. — Это до того пошлый и отвратительный городишко, что мне делается тошно от одной мысли, что придётся пробыть в нём долго». Салтыков много работает, налаживает дела казённой палаты. «Что касается меня, — пишет он в это время, — то я весь погряз в служебной тине, которая оказывается более вязкой, засасывающей, нежели я предполагал. Гаже и беспорядочнее здешней казённой палаты невозможно себе представить... Она отнимает у меня всё время».

Несмотря на перегруженность служебной работой, Салтыков «и теперь не прочь бы что-нибудь написать, да подумаешь, подумаешь, — сообщает он в письме к Некрасову,—и скажешь: чорт возьми да и совсем. Нехорошо писать даром». В Пензе

у него начинают «складываться Очерки города Брюхова, но не думаю, чтобы вышло удачно, — пишет он. — Надобно, чтобы и в самой пошлости было что нибудь человеческое, а тут, кроме навоза, ничего нет. И как плотно скучился этот навоз — просто любо. Ничем не разобьёшь». Замысел остался неосуществлённым.

За время службы Салтыкова в печати появился только очерк «Завещание моим детям». В 1866 году, после каракозовского выстрела, «Современник» был закрыт, и Салтыкову уже негде было печататься. Только в 1868 году, после перехода «Отечественных записок» к Некрасову, Салтыков возобновил свою литературную деятельность.

Служебные дела Салтыкова складывались неважно. По жалобе пензенского губернатора он был переведён в Тулу на ту же должность председателя казённой палаты. И здесь начались столкновения с губернатором Шидловским, который жалуется на Салтыкова шефу жандармов Шувалову и министру финансов Рейтеру. Последний был однокурсником Салтыкова по Царскосельскому лицею и уладил конфликт переводом его в рязанскую казённую палату. В Рязани происходит столкновение Салтыкова с губернатором Болдыревым. Жалоба Болдырева через III отделение доходит до царя Александра II, по распоряжению которого в июне 1868 года Салтыков был уволен в отставку.

Так закончилась последняя служебная деятельность Салтыкова. При всей неожиданности такой отставки сверху она совпадала с намерениями писателя. В это время он был прочно связан с «Оте-

чественными записками» и, переехав в Петербург, с осени 1868 года становится соредактором Некрасова и Елисеева по журналу.

VII. РАСЦВЕТ САТИРИЧЕСКОГО ГЕНИЯ

С «Отечественными записками» связан самый плодотворный и блестящий период деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина, создавший ему мировую славу.

После закрытия «Современника» в 1866 году революционные демократы лишились печатного органа. Притеснения правительства и цензуры были так велики, что Некрасов думал даже отказаться от журнальной деятельности. Писатели, группировавшиеся вокруг «Современника», вынуждены были искать для печатания своих произведений другие журналы. Правительству и цензуре было ясно, что эти писатели, проникнув в другие журналы и газеты, будут проводить те же взгляды, что ещё более затруднит цензуру и борьбу с прогрессивными идеями.

Когда осенью 1867 года возник план аренды «Отечественных записок» у издателя Краевского, министерство внутренних дел и цензура не воспрепятствовали сделать это Некрасову только потому, что считали «более удобным сосредоточить бродячие литературные силы бывшего «Современника» в одном журнале, полагая, что в противном случае они разбредутся по другим изданиям, что поставит ещё в большее затруднение цензурное ведомство».

Министерство внутренних дел и цензура приняли меры для того, чтобы расколоть бывшую редакцию «Современника», и это привело к окончательному размежеванию Некрасова от Антоновича и Жуковского, хотя в министерстве знали, что «Отечественные записки», в состав редакции которых «вошли г.г. Елисеев, Салтыков [Щедрин] и сам Некрасов, будут издаваться в оппозиционном духе и с явно обличительными тенденциями». [1]

С первых же номеров обновлённого журнала Щедрин становится самым деятельным его сотрудником. Он пишет публицистические и критические статьи, которые определили направление «Отечественных записок», сделали их близкими «Современнику», помещает сатирические рассказы и очерки.

Войдя в состав редакции, Салтыков до такой степени ушёл в литературно-редакторскую работу, что его личная биография стала неотделимой от журнала. Из номера в номер он печатает свои произведения. Здесь появились его «Признаки времени» и «Письма о провинции» (1868—1873), «Господа ташкентцы» (1872), «Благонамеренные речи» (1872—1876), «Дневник провинциала в Петербурге» (1872—1878), «Культурные люди» (1875), «Убежище Монрепо» (1878), «Круглый год» (1879), «Современ-

---

[1] Центральный Исторический архив в Ленинграде. Подробно об этом см. в нашей статье «Из истории «Отечественных записок». Переход редакции к Некрасову, Салтыкову и Елисееву» в «Учёных записках кафедры русской литературы и-та им. Герцена», 1939, т. XXIV.

ная идиллия» (1877—1883), «Пошехонские расска-
зы» (1881—1883) и др.

Литературное наследие Салтыкова поражает ко-
лоссальностью тем, сюжетов и циклов. Работал о
очень много и напряжённо.[1] «Мы до того, — пи-
шет он, — отождествились с нашей специальностью
литературным трудом, что сделались вне её почт
негодными для существования». Салтыков вё
замкнутый образ жизни, «чуть ли не целые дн
просиживал за своим письменным столом», расска
зывает о нём доктор Белоголовый. Кроме работы
над своими произведениями, он вёл ещё большу
редакционную работу в журнале, а после смерт
Некрасова с 1878 года был ответственным редакто
ром «Отечественных записок».

На этот период падает расцвет сатирическог
гения, полная художественная и идейная зрелост
Щедрина. В литературной критике раздавались го
лоса о том, что произведения Салтыкова публиц
стичны, но при этом не учитывалось своеобраз
жанра, формы и стиля щедринской сатиры. Сле
дует решительно подчеркнуть преобладание у Ще

---

[1] Советское литературоведение проделало большую рабо
по изучению и изданию литературного наследия Щедри
Уже в осаждённом Ленинграде было закончено печатание
VI томов «Полного собрания сочинений» великого писате
изданного Гослитиздатом в 20 томах, в котором собрано, в о
новном, всё написанное Щедриным, в том числе его пер
писка и критические статьи. Что касается последних,
редактором VIII тома С. С. Борщевским, проделавшим бо
шую работу по выявлению щедринских текстов, допуще
ошибочное включение рецензий из «Отечественных записо
1871 г.

рина художественной сатиры над публицистикой. Своеобразие щедринской сатиры в том, что художественные образы в ней тесно связаны с злободневными вопросами современности. Современность даёт Щедрину материал для глубоких и метких художественных обобщений.

Художественная сатира Щедрина бичевала отрицательные явления современности. Ненависть к самодержавной царской реакции и крепостничеству породила его разоблачающие, убийственные по силе обобщения типические образы. При этом Щедрин обрушивался не только на частности, которые он тоже не оставлял в покое, но и на всю систему царской реакции.

В «Истории одного города» разоблачение всей системы тупого, реакционного произвола получило своё полное выражение. И. С. Тургенев дал самую высокую оценку этой сатиры.[1]

«История одного города» включает в себе сатирические приёмы шаржа, преувеличения, сказочной фантастики, но всё это только подчёркивает и ярче выявляет до предела ясный реализм писателя. Фантастический органчик в голове Бурдастого играет лишь два мотива — «не потерплю» и «разорю», так же как гротескный автоматизм Угрюм-Бурчеева, предававший всё «огню и мечу», или Перехват-Залихватского, «упразднившего науки», — всё это лишь

---

[1] Статья *И. С. Тургенева* напечатана была в 1871 г. в английском журнале «The Academy», перепечатана в сб. «Салтыков-Щедрин в русской критике», изд. Учпедгизом в 1934 г. (стр. 156—157) под редакцией Н. В. Яковлева.

выявления наиболее отвратительных сторон реакционного царского строя. Типическая сила этих образов так велика, что они пережили свою эпоху и в наши дни могут характеризовать фашистских мракобесов. Тупоумные идиоты и прохвосты угрюм-бурчеевы, бурдастые и перехват-залихватские, как две капли воды, напоминают нам современных фашистских негодяев, которые напали на нашу страну, грабят и убивают наш народ, уничтожают нашу культуру всё с тем же, собственно, мотивом «не потерплю», «разорю», «предам огню и мечу» «упраздню науки».

Щедрин показывает типичную среду, порождающую мракобесов, человеконенавистников и бюрократов-крепостников, рисует их личные биографии. В сатирических циклах «Господа ташкентцы», «Помпадуры и помпадурши», «Дневник провинциала в Петербурге» показаны чиновники и дельцы — хищники пореформенной эпохи, приспосабливающиеся к новым условиям капиталистической России. На первом плане перед читателем дворянин-крепостник и хищник. Против них в первую очередь и направлено остриё его сатиры. Но она не ограничена только их сатирическим бичеванием, а идёт дальше к большим полотнам и глубоким выводам.

В «Господах ташкентцах» самое географическое понятие «Ташкент» — становится отвлечённым. «Ташкент» — это «всякая страна, где бьют по зубам»; «ташкентцы» — это люди с девизом «не зевай» и единственной целью «грабить» и «жрать». Сатирический цикл Щедрина построен на описании

столкновений друг с другом всевозможных хищников в борьбе за «жирные куски», причём все эти эпизоды насыщены животрепещущей злободневностью.

Пореформенная эпоха быстро растила новую буржуазию. Дворянство разорялось и приходило к упадку. Во все сферы жизни стали проникать новые типы хищников и стяжателей. Появилась гласность, земские собрания, адвокатура, городские думы, капиталистическая печать. Царская реакция, заигрывая с либеральной буржуазией, твёрдо держала курс на обуздание и боялась революционных потрясений.

Вся эта сложная эпоха ярко отражена в сатире Щедрина. Все общественные явления нашли в ней свою оценку. Щедрин анализировал их с позиции Чернышевского, неуклонно продолжая его линию. Он боролся за раскрепощение широких крестьянских демократических масс русского народа, за свободу и независимость.

В «Дневнике провинциала в Петербурге» Щедрин рисует биржевой ажиотаж, погоню за концессиями, правительственные мероприятия царизма, продажность буржуазной прессы, международные конгрессы и выставки. Новая обстановка создаёт новые типы. Провинциалы спешат в Петербург в погоне за хищническим обогащением. Яркие сатирические разоблачения Щедрина стали нарицательными. К их числу относится разоблачение «пенкоснимательства».

«Пенкоснимательство» — это «не какое нибудь частное явление, — говорит Щедрин, — это болезнь

данной минуты. Это общее понижение мыслительного уровня». Пенкосниматели — это либералы, цель которых безобидное препровождение времени, праздные рассуждения и действия, направленные так, чтобы ничего из них не вышло. Типы пенкоснимателей Менандр Перелестов и Неуважай-Корыто — одни из лучших художественных типов щедринской сатиры.

Пенкоснимательство, указывает Щедрин, проникло во все уголки жизни. Пенкосниматели издают свои газеты, такие, как «Старейшая российская пенкоснимательница», «Пенкоснимательная подоплёка», к которым примыкает газета «Чего изволите». Современные читатели сразу узнавали за этими названиями живых прототипов, тогдашние газеты «Санкт-петербургские ведомости», «Голос», «Новое время». Но сущность щедринской сатиры — не в реальных прототипах, она — в глубоких типических обобщениях и выводах. Пенкоснимать — это либерал-постепеновец, крохобор, соглашатель. В политике он довольствуется крохотными уступками, а если попадает в науку, то ограничивается открытием крохотных истин — вроде мавританского происхождения песенки «о чижике». Везде видна его реакционная суть — оправдание «малых дел» и защита реакционного лозунга «Наше время — не время широких задач». Пенкоснимать — это хищник, «это тихо курлыкающий панегирист хищничества, признающего в нём единственно законную форму жизни, — говорит Щедрин, — и трепетно простирающий руки для получения подачки». Хищники заполнили не только столицу. Провин-

циалы лезут в Петербург для того, чтобы «урвать кусок» побольше. Хищничество царит и в деревне. Место крепостников-помещиков занял новый хищник и цепко держит в своих лапах крестьянство, не менее цепко, чем держали его крепостники. Новые хищники Колупаев, Дерунов и Разуваев «ездят на мужике», «исподволь взыскивают» всё, что только можно взыскать, считая, что, чем меньше у крестьян остаётся, тем лучше. Выжимая последний грош, они спокойно произносят: «Иён достанет».

Капиталистическое хищничество получило глубокое художественное осмысление в образе Чумазого. «Идёт чумазый! Идёт и на вопрос, что есть истина, твёрдо и неукоснительно отвечает: распивочно и на вынос!». Идёт он, чтобы показать, где раки зимуют, наглый, хищный, цепкий, не знающий ни морали, ни чести, ни правды, ни свободы для других, ни Отечества и Родины. Он знает только одно — грош и неутолимую алчность. Ему «отдались в руки мирские власти». Чумазый открывает «мироедский», капиталистический период.

«Сдаётся, — пишет Щедрин, — что придётся ещё пережить эпоху чумазовского торжества, чтобы понять всю глубину обступающего массы злосчастия. А что чумазый будет держаться за своё торжество упорно, за это ручаются его откровенно нахальные замашки и самоуверенная бессовестность».

Торжество чумазых Щедрин ненавидит, как и помещичье-крепостнический строй. Разоблачая капиталистическое хищничество, Щедрин не заметил и исторически прогрессивной роли капитализма и

того, что в его недрах нарождалось новое — рабочий класс, который в союзе с крестьянством обновит Россию в огне революции.

Защищая интересы народа, Щедрин внимательно следил за жизнью России. В цикле «Благонамеренные речи» он разоблачает хищничество всероссийского масштаба. При этом Щедрин специально останавливается на судьбе дворян-крепостников в новых условиях. Из цикла выделяется целая повесть — одно из лучших произведений Салтыкова — «Господа Головлёвы». В повести дана ярчайшая картина вырождения дворянства и запустения поместий. На почве вырождения дворянского вымороченного рода вырастают безнравственные лицемеры, предатели и ханжи. Именно таким и является Порфирий Головлёв по прозванию Иудушка. В этом типе крайнее лицемерие, прикрытое елейными речами, переходит в разврат, предательство и провокацию. Более страшный и отвратительный тип не был ещё создан в мировой литературе.

В. И. Ленин заклеймил образом Иудушки Головлёва врага народа Троцкого, клеймил этим именем предателей и двурушников меньшевиков, применял его для характеристики вождя II Интернационала ренегата Каутского.

«Благонамеренные речи» подробно анализируют устои и «столпов» самодержавно-царской реакции. В пореформенную эпоху «столпом» реакции оказывается уже не грибоедовский Фамусов, и даже не гоголевские Сквозник-Дмухановский, Собакевич и Тентетников. Вся сила теперь в руках Дерунова, приобретателя и хищника. Дерунов — не только

хозяин деревни. На глазах у читателя он превращается в капиталиста в цилиндре и фраке, в хозяина модного петербургского салона.

Но именно в Дерунове и видит Щедрин вырождение всех устоев реакции. «С невыносимой болью в сердце, — иронически замечает Щедрин, — я должен был сказать себе: Дерунов не столп! Он не столп относительно собственности, ибо признаёт священным только лично ему принадлежащую собственность. Он не столп относительно семейного союза, ибо он снохач. Наконец он *не может* быть столпом относительно союза государственного, ибо не знает даже географических границ русского государства. Но где же искать столпов, если даже Осип Иванович [Дерунов] не столп?»

Салтыков-Щедрин не видел устоев в чумазых, не видел и в «первенствующем» дворянском сословии. В руках последнего ещё оставалась материальная сила и возможность управлять людьми. В «Эпизодах из жизни одного семейства» — головлёвской хронике — он ярко показал, что в действительности уже «ничего этого нет», что дворянская Россия не имеет уже ничего общего с теми основами, которые всё ещё прикрывает. Эти же мотивы развиты и в повести «Убежище Монрепо».

В цикле «В среде умеренности и аккуратности» Щедрин разоблачает либералов-приспособленцев из дворян. В его сатире воскресают типы классической русской литературы: грибоедовский Молчалин, гоголевский Тряпичкин, тургеневский Лаврецкий. Но эти старые сравнительно безобидные знакомцы — лишь маска для разоблачения перерож-

дающегося дворянства. Щедринские молчалины сохраняют от грибоедовского лишь внешние черты послушания, податливости, еле прикрытой скромности. Они исполнители, но не фамусовского простодушия и самодурства, а хищнических кровавых дел.

«Я видел однажды Молчалина, — пишет Щедрин, — который, возвратившись домой с обагрёнными бессознательным преступлением руками, преспокойно принялся этими самыми руками разрезывать пирог с капустой.

— Алексей Степанович! — воскликнул я в ужасе: — вспомните, ведь у вас руки...

— Я вымыл-с, — ответил он мне совсем просто, доканчивая разрезывать пирог...»

Спокойный Молчалин - исполнитель не менее опасен, чем хищник-инициатор. Молчалины занимаются всем, чем угодно. Один из них изображён журналистом газеты «И шило бреет», причём, после иронического разговора «автора» с ним Щедрин замечает: «автору» стало казаться, что он «два-три часа в помойной яме просидел».

Щедринское молчалинство — самостоятельное, законченное художественное обобщение.

В этом же цикле «В среде умеренности и аккуратности» появляется образ продажного адвоката Балалайкина. Его родословная — побочный сын грибоедовского Репетилова и воспитанник грибоедовского же Удушьева — раскрывает как бы черты героя: это тип, впитавший в себя самое мерзкое из Репетилова, Хлестакова и Ноздрёва, продажный цинизм которого прикрывается внешне приглаженной политической благонадёжностью. К Балалайки-

ну Щедрин возвращается в другом сатирическом цикле — «Современной идиллии», характеризуя его внешность так: «Бывают такие физиономии, которые, как ни умывай, ни холь, а всё кажется, что настоящее их место не тут, где вы их видите, а в доме терпимости».

В. И. Ленин клеймил презренного врага народа Троцкого именем щедринского Балалайкина.

Молчалины и балалайкины — гнусное порождение реакции. Они — исполнители её тёмных, кровавых дел. Щедрин до конца разоблачает их лицемерие, беспринципность и продажность.

В цикле «Круглый год» (1879) Щедрин рисует «столпов» государственности. Феденька Неугодов, герой этого сатирического цикла, видит в «государстве пирог, к которому ловкие люди всегда могут подходить и закусывать». Поэтому он становится поборником государственного союза. Собственно о Родине, о служении Отечеству Неугодов не имеет и понятия. Он участвует в благотворительных обществах ради «связей с дамочками», председательствует в пяти комиссиях, одна из коих разрабатывает вопрос о мерах на случай «могущего быть светопреставления». Русскую литературу Неугодов обвиняет в том, что она подрывает основы реакции, что она «пропахла мужиком», и находит утешение, видя, «как наша милая литература извивается, словно вьюн на сковороде». Он считает, что её нужно «подтянуть», ввиду примеров своеволия и дерзости, и под влиянием убеждений автора самое большее соглашается заменить слово «под-

тянуть» другими словами — «принять решительные меры».

С ужасом автор наблюдает жизнь и похождения Феденьки Неугодова. Сатирик показывает всю пустоту, гниль и ничтожество этого «столпа» государственной реакции, все его действия находит глупыми, неестественными, пошлыми, но в то же время мрачно правдоподобными. Это поистине мир «призраков», но призраков, населяющих действительность.

Щедрин борется с реакцией всеми доступными ему способами. Когда после убийства Александра II дворянская реакция создала контрреволюционную террористическую организацию под названием «Священная дружина», в которую вошла придворная челядь, Щедрин был единственным человеком в России, который смело выступил в «Письмах к тётеньке» с разоблачением этого заговора сановников, высмеял самую организацию «Клуба взволнованных лоботрясов» и «Общества частной инициативы спасения». Цензура не пропустила щедринской сатиры в журнале «Отечественные записки». Но она разошлась в списках по всей России и попала в подпольную печать.

Бичующая сатира Щедрина срывала все и всяческие маски не только с отдельных явлений. Она пронизана общей идеей — разоблачения всех основ реакционного строя. Она анализировала и исследовала жизнь, боролась за полное освобождение народа как от крепостничества, так и от хищничества, разоблачала те основы, во имя которых эта свобода попиралась.

«По мере сил моих и в размерах цензурного произвола, — писал Щедрин в письме к Утину 2 января 1881 года, — это и сделано мною в «Благонамеренных речах». Я обратился к семье, собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются. На принцип семейственности написаны мною «Головлёвы». На принцип государственности — «Круглый год».

Сатира Щедрина сильна своей критической стороной. Если в гениальных произведениях Л. Н. Толстого ярко отразилась эпоха русской жизни с 1861 по 1905 год, когда «всё перевернулось» и только начинало укладываться, ярко сказались противоречия эпохи, как в зеркале отразилась сила и слабость крестьянской революции, то в гениальной сатире Щедрина разоблачены все и всяческие виды проявления реакции, дан гневный, бичующий, полный ненависти к ней протест против старых устоев и форм жизни, который отражал стихийное революционное брожение многомиллионного крестьянства. Сила и мощь этой борьбы определила разоблачительную силу и влияние щедринской сатиры на современников; передовые идеи революционной демократии позволили ему ясно разглядеть существование классов, выявить их подлинные интересы. Крестьянский характер революции ограничивал его выводы и не дал возможности разобраться в диалектике классовой борьбы.

Что касается идеалов будущей общественной

жизни, то они, по мнению писателя, зависели от «большего или меньшего усвоения человеком тайн природы и происходящего отсюда успеха прикладных наук». Практически эти идеалы могут быть так разнообразны, «начиная от конституционализма и кончая коммунизмом», что Щедрин, не видя конкретных путей революционного преобразования жизни, не считал возможным рекомендовать какие-либо стадии, чтобы добровольно не стеснять себя. Идеалы будущего представлялись ему в общей форме: «свобода, равенство, справедливость». Щедрин учил «жить одной мыслью с народом...» и страстно призывал: «Поддерживайте честную мысль, честное дело, честных людей... Такая поддержка вам самим принесёт несомненную пользу, потому что только торжество честной мысли и честного дела может доставить вам ту обеспеченность, без которой немыслимо пользование жизнью ни личною, ни общественной».

VIII. В БОРЬБЕ С РЕАКЦИЕЙ

Щедрин вёл неустанную борьбу с реакцией в легальном журнале «Отечественные записки». Борьба была трудной и сопровождалась цензурными репрессиями. Вести её надо было очень умело, с большим тактом и осмотрительностью. Никто из русских писателей не подвергался таким цензурным давлениям и урезываниям, как Салтыков-Щедрин. Вся его литературная деятельность — это поистине война с цензурой. Щедринская сатира вызывала не только подозрение чиновников цензуры, не давала им

покоя, но буквально делала переполох. О том смятении, которое произвело в цензуре появление в журнале «Отечественные записки» «Третьего письма к тётеньке», разоблачающего «Священную дружину», можно судить по краткой протокольной записи Петербургского цензурного комитета 16 сентября 1881 года, ещё не появлявшейся в печати:

«*Слушали:* Комитет созвал всех. Губительное влияние едкой сатиры Щедрина, представляющей преимущественно настоящее положение русского общества в грязном виде, а для [зачёркнуто: наше правительство] во главе с обыкновенными Ноздрёвыми и Расплюевыми, возбуждающей недоверие к охранителям и охранению порядка.

Постановили: ... подвергнуть книгу аресту, если не будет исключена статья Щедрина».[1]

В борьбе с царской реакцией и цензурой сложился своеобразный стиль щедринской сатиры,[2] умение проводить через цензурные рогатки нужные сатирику мысли и идеи. При этом Щедрин пользовался «эзоповым языком», который придавал легальную форму революционным по сути идеям писателя. Цензура постоянно настороженно следила за щедринской сатирой и искала поводов для преследования, но благодаря «эзопову языку» не всегда находила их. В сатире «Самодовольная современность» (в журнале была помещена под псевдо-

---

[1] Центральный Исторический архив в Ленинграде. Фонд цензуры. Дела Петербургского ценз. к-та.

[2] Изучению стиля щедринской сатиры посвящена книга *Я. Эльсберга* «Стиль Щедрина», изданная Гослитиздатом в 1940 г.

нимом «*М. М.*») Совет главного управления по делам печати не мог «не узнать приёмов и манеры Щедрина, — записано в журнале заседаний Совета, — и действительно статья эта Салтыкова. Она написана туманно, в ней преобладает дух партии, к которой принадлежит Салтыков... и нетерпимости». Эта туманность мешала цензуре ясно сформулировать обвинение. Цензура знала, что «эзоповым языком» у Щедрина «хотя и чрезвычайно туманно излагается, что у нас [царской России 70-х годов прошлого века] настала реакция, которой преобладающими элементами служат самодовольная посредственность и полное отсутствие внимания к общественным нуждам»,[1] что эта реакция разоблачается.[2]

Писатели революционные демократы знали, что «прямая речь, действительно, лучше всяких приточных сказаний» *(Чернышевский)*, но они понимали, что реакционная цензура не пропустила бы прямых и резких высказываний. Приходилось прибегать к «обманным средствам». Появились «с одной стороны аллегории, с другой — искусство понимать эти аллегории, искусство читать между строками», — пишет Щедрин. «Эзопова речь», «эзопова манера» письма «есть манера рабья», — говорит Щедрин. Она сложилась в тисках «идейного крепостничества» в плену «крепостной цензуры» *(Ленин)*,

---

[1] Центральный Исторический архив в Ленинграде. Фонд цензуры по Главн. упр. по делам печати.

[2] О цензурных мытарствах Щедрина см. в книге *Евгеньева-Максимова* «В тисках реакции», 1926.

когда литература должна была «биться и чувствовать себя точно в капкане» *(Щедрин)*. Писатель вынужден был прибегать к аллегориям и иносказаниям и, берясь за перо, был «не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей. Ещё древний Эзоп, — говорит Щедрин, — занимался таким обдумыванием, а за ним и множество других шло по его следам». В. И. Ленин писал о проклятой поре, проклятом эзоповском языке, «к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения».[1] «Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось всё живое и свежее на Руси».[2]

Щедрин был защитником интересов русского народа, горячо любил свою родину и не мог даже «помыслить себя где либо кроме России». Только по предписанию врачей ему пришлось выехать за границу, но здесь он не мог упомнить минуты, в которую сердце его «не рвалось бы к России».

Салтыков-Щедрин лечился во Франции и Германии, жил в Париже и Ницце, Берлине и Баден-Бадене, пристально присматривался и изучал западноевропейскую жизнь. Круг его наблюдений расширился и обогатился. Во Франции и Германии 70 — 80-х годов он увидел разнузданную и наглую реакцию, торжество реакционного пруссачества, германских милитаристов и солдафонов. Художественная

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XX, стр. 284.
[2] *Ленин*, Соч., т. VIII, стр. 386.

сатира Щедрина поднимается на высоту глубочайших типических обобщений и разоблачений европейской реакции и так правдиво раскрывает её сущность, что в наши дни поражает читателя верностью своих характеристик и выводов.

Из заграничных наблюдений писателя сложился сатирический цикл «За рубежом» (1881). Яркие памфлетные страницы этой сатиры с поразительной силой разоблачают французских плутократов, которые, расправившись с Парижской коммуной, создали «республику без республиканцев, с сытыми буржуа во главе, в тылу и во флангах... без идеалов, без страстной идеи», которым «ни героизм, ни идеалы уже не подсилу». В. И. Ленин высоко оценил щедринское разоблачение реакционной Франции.

«Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, — писал Ленин,— Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев».[1]

С исключительной силой сатирического бичевания и ненависти клеймит Щедрин германских милитаристов и солдафонов. Уже в очерке «Сила событий» (1870), написанном в связи с франко-прусской войной 1870 года, Щедрин клеймит германских паразитов, которые железом и кровью порабощали другие народы, бичует всевозможных «таумбургцев», «пассауцев», «мейнингенцев», всех этих «гогенцоллернских обывателей». Он видел, что реакционное пруссачество всеми силами и мерами стремится «к насильственному обречению массы

[1] *Ленин,* Соч., т. X, стр. 238.

в жертву невежественности и обеднения», что реакционное пруссачество хочет низвести другие народы «на степень низшего организма».

В книге «За рубежом» пристальный взгляд сатирика в 80-х годах прошлого века заметил, что в Германии уже сложилось «наглое самомнение», «ничем неоправданная претензия на вселенское господство и офицерское самодовольство».

Центр Германии — Берлин не стал действительным руководящим центром немецких умов, а был городом, к которому с ненавистью относилось большинство человечества.

«Я не имею никаких данных утверждать, — писал Щедрин, — что Берлин никогда не сделается действительным руководителем германских умов, думаю, что в *настоящее время* для доброй половины Германии Берлин не только не симпатичен, но даже прямо неприятен. Он у всех что нибудь отнял и ничем за отнятое не вознаградил. И, вдобавок, везде насовал берлинского солдата с соответствующим количеством берлинских же офицеров... Вся суть современного Берлина, всё мировое значение его сосредоточено в настоящую минуту в здании, возвышающемся в виду Королевской площади и носящем название *Главный штаб*».[1]

Самым гнетущим элементом Берлина является военщина, подчёркивает Щедрин. Упитанные туши прусских офицеров так и давят на всё окружающее, и «делается положительно тесно, когда по улице проходит прусский офицер».

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 108.

«Внешний вид прусского офицера, по меньшей мере, странен; грудь «выпячена колесом, усы закручены в колечко». Идёт он крупничатый, довольный, точно сейчас получил жалование, что не мешает ему, впрочем, относиться к ближайшему со строгостью... Он всем своим складом, посадкой, устоем так и тычет в меня: я герой! Мне кажется, — говорит Щедрин, — что если б, вместо того, он сказал: я разбойник и сейчас начну тебя свежевать, мне было бы легче. А то «герой» — шутка сказать!»

«Этот «героизм» — чисто внешний и напускной. Состоит он в поддержании вкуса к «истреблению исконного врага», а кто же «теперь» не «исконный враг» в глазах прусского офицера?» — ядовито спрашивает сатирик.

С храбрыми русскими людьми никак нельзя сравнить германцев. «Русский человек способен быть действительно героем, — пишет Щедрин, — но это не выпячивает ему груди, не заставляет таращить глаза. Он смотрит на геройство без панибратства и очевидно понимает, что это совсем не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить с собой в числе прочей амуниции. Напротив, пруссак убеждён, что раз он произведён, соизволением начальства, в герои, то он обязывается с честью носить это звание не только на улицах, но и в садах Орфеума».

Щедрин ненавидит прусскую военщину, которая после 1848 года всё больше и больше усиливалась в Германии и повергала Европу в разбойничьи войны. Он видел, что Германия «железом и кровью»

угрожала всему миру, а глава германского милитаризма 70 — 80-х годов прошлого века Бисмарк «запутал Европу в какие то невылазные тенёта».

Германский милитаризм издавна готовился к нападению на Россию. В Берлине Щедрин был свидетелем одного характерного эпизода. За обедом в ресторане, рядом с большой компанией русских, сидел скромный на вид белокурый молодой немец. Среди русских беседа шла о том, для чего, собственно, нужен Берлин, причём многие высказывали взгляд, что нужен он только для человекоубийства. Молодой немец прислушивался к беседе и вдруг заговорил на ломаном русском языке:

— Я сольдат; мы уф Берлин немного учим по-русску... на всякий случай!

Этот неожиданный разговор наводит сатирика на ряд размышлений.

«Так вот оно как, — пишет Щедрин. — Мы, русские, с самого Петра I усердно «учим по немецку» и всё никакого случая поймать не можем, а в Берлине уже и теперь «случай» предвидят, и конечно не для того, чтобы читать порнографическую литературу... учат солдат по русски... Факт этот служит новым подтверждением... Да, Берлин ни для чего другого не нужен, кроме как для человекоубийства». [1]

В знаменитом сатирическом диалоге «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» Щедрин с убийственной силой разоблачил реакционную роль немцев, которые стремятся проникнуть в Россию под

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. XIV, Гиз, 1936, стр. 101.

маской «цивилизаторов». На деле они — хищники притеснители, жадные, подлые, тупые, стремящиеся закабалить русский народ, лишить его самостоятельной государственности и всякой мысли о свободе.

«Кто самый бессердечный притеснитель русского рабочего человека? — немец! кто самый безжалостный педагог? — немец! кто вдохновляет произвол, кто служит для него самым неумолимым и всегда готовым орудием? — немец! И заметь, что, сравнительно, ваша наука всё-таки второго сорта, ваше искусство — тоже, а ваши учреждения — и подавно. Только зависть и жадность у вас первого сорта, и так как вы эту жадность произвольно смешали с правом, то и думаете, что вам предстоит слопать мир. Вот почему вас везде ненавидят, не только у нас, но именно везде». [1]

Щедрин до такой степени остро уловил черты германского милитаризма, его враждебность ко всему русскому, что кажется, будто бы эти строки написаны не в 1881 году, а в наши дни.

Германский фашизм, напавший на нашу Родину в 1941 году, впитал в себя всё самое реакционное, что когда-нибудь было в истории Германии. Щедринская сатира, бичующая захватнические цели немцев, и в наши дни приобретает острое политическое звучание, помогает нам разоблачать человеконенавистнический фашизм, учит ненависти, мобилизует на разгром озверелого врага нашего отечества.

Художественные образы, которые создавались

---

[1] *Щедрин,* Полн. собр. соч., т. XIV, Гиз, 1936, стр. 93—94.

Щедриным на зарубежном материале, клеймят реакцию в Европе так же, как образы, созданные на материале царской России, клеймят царскую реакцию. Выявляя типические черты реакции, Щедрин показал единство классовых типов реакционного царизма и реакционной Европы. И там те же подхалимовы, балалайкины, твердоонто, разуваевы, а немецкий кулак Гехт (щука) оказывается в сущности тем же Колупаевым.

Немецкая реакция может быть поэтому характеризована щедринскими типами. Германские фашисты являются «злейшими реакционерами и черносотенцами», гитлеровский режим по сути «является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме», а гитлеровская партия является партией «врагов демократических свобод», партией «средневековой реакции и черносотенных погромов». [1]

Товарищ Сталин ещё в 1935 году на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов характеризовал фашистских политиканов щедринским типом ретивого начальника и указал, что «господа из «Дейтше Дипломатиш-Политише Корреспонденц» как две капли воды похожи на щедринского бюрократа». [2]

Щедринская сатира метко бьёт по немецкому фашизму. «Программа» германского фашизма, которая ставит целью закабалить и закрепостить все другие

---

[1] *Сталин*, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, Госполитиздат, 1943, стр. 26.

[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 520.

народы, как две капли воды, напоминает «программу» щедринских мерзавцев и негодяев. А «программа» мерзавцев и негодяев такова: «Чтобы мы, мерзавцы, говорили, а прочие чтобы молчали. Чтобы наши, мерзавцев, затеи и предложения принимались немедленно, а прочих желания чтобы оставались без рассмотрения. Чтобы нам, мерзавцам, жить было повадно, а прочим всем чтоб ни дна, ни покрышки не было. Чтобы нас, мерзавцев, содержали в холе и нежаньи, а прочих всех — в кандалах. Чтобы нами, мерзавцами, сделанный вред за пользу считался, а прочими всеми, если бы и польза была принесена, то таковая за вред бы считалась. Чтобы об нас, об мерзавцах, никто слова сказать не смел, а мы, мерзавцы, о ком вздумаем, что хотим, то и лаем! Вот коли всё это неукоснительно выполнится, — говорили щедринские мерзавцы, — тогда и вред настоящий получится».[1]

Современный фашист, как две капли воды, похож на щедринского негодяя, тупого, наглого, самоуверенного, опутывающего всё изменой, предательством, вероломством.

«Смотрите, — говорит Щедрин о негодяе, — как твёрдо он ступает по негодяйской стезе и какими неизреченно бесстыжими глазами взирает на всё живущее! . . Ограниченность мысли породила в нём наглость. . .» [2]

Щедрин писал, что изображённый им мир реакционных мерзавцев и человеконенавистников есть

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. XV, стр. 218.
[2] *Там же*, стр. 224.

«воистину мир — призраков». Но пока эти призраки существуют, они отравляют жизнь, сводя всё к разбойничьему правилу — «ничего чтобы не было», кроме их свинства и зверства. «Это ужасно унизительно, — говорит Щедрин, — но это так». Они жизнь «опутали целой сетью дурацки-предательских подвохов», попирают человеческие права, насаждают рабство. Эта «масса аферистов и бандитов снуёт вокруг» и «ненавидит всё, за исключением своей ненависти». Они «ненавидят завтрашний день, потому что тайна, которую он хранит в недрах своих, мешает им бездумно предаваться человеконенавистничеству», чувствуя, что «почва горит у них под ногами».

В знаменитом диалоге «Торжествующая свинья или разговор свиньи с Правдой» в очерках «За рубежом» образ «торжествующей свиньи», которая чавкает и гложет ничем не защищённую по распоряжению начальства Правду, Щедрин дал шедевр художественного разоблачения реакционного свинства. Торжествующая свинья стала символом всякой общественной и политической реакции.

В 80-е годы прошлого века, когда особенно усилилась царская реакция, Салтыков-Щедрин обратился к сказкам и создал художественные образцы этого жанра. Обобщённая форма сказочных образов, где речь идёт о медведе, о льве, о чижике, карасе-идеалисте, вяленой вобле, гиене и т. д., помогала высказать Щедрину свои мысли и лишала цензуру возможности предъявить прямые обвинения. И тем не менее многие сказки Салтыкова были

запрещены цензурой и могли появиться только в подпольных изданиях...

В «Сказках» Щедрин бичевал «медведя на воеводстве», робких «карасей»-либералов, тупоумных и близоруких «премудрых пескарей». Он выступал за полное раскрепощение и освобождение народа от пут реакции («Коняга»), бичевал реакционных «гиен» с твёрдой верой в торжество человеческой справедливости и свободы.

«Иногда нам кажется, — писал Щедрин в сказке-поучении «Гиена», — что «гиенское» готово весь мир заполнить, что оно и одесную, и ошую распространило криле и вот вот задушит всё живущее. Такие фантасмагории случаются нередко. Кругом раздаётся дьявольский хохот и визг; из глубины мрака несутся возгласы, призывающие к ненависти, к сваре, к междуусобию. Всё живое в безотчётном страхе падает ниц; все задушевные отправления застывают под гнётом одной удручающей мысли: изгибло доброе, изгибло прекрасное, изгибло человеческое. Всё, словно непроницаемым пологом, навсегда заслонено ненавистническим, клеветническим, гиенским!

Но это громадное и преступное заблуждение. «Человеческое» никогда окончательно не погибало, но и под пеплом, которым временно засыпало его «гиенское», продолжает гореть.

И впредь оно не погибнет, — заключает Щедрин, — и не перестанет гореть — никогда!»[1]

Как просветитель и революционный демократ

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 222—223.

Щедрин верил, что реакция неизбежно исчезнет, но не видел конкретных сил, которые уничтожат её.

«Я понимаю очень хорошо, — писал он, — что, с появлением солнечного луча, призраки должны исчезнуть, но увы! Я не знаю, когда этот солнечный луч появится. Вот это-то, именно, и гнетёт меня, это-то и заставляет ощущать «страх за будущее».

Щедрин писал это в начале 80-х годов прошлого века, когда в России нарастало революционное рабочее движение. Он не видел и не смог оценить этой новой силы, которая разрушит мир призраков, звериных и человеконенавистнических инстинктов, мир гиен и свинства и, совершив революцию, преобразует жизнь.

В работах В. И. Ленина и И. В. Сталина щедринские образы широко применяются для разоблачения бюрократов, лицемеров-предателей, отщепенцев и врагов народа меньшевиков, троцкистов, бухаринцев, для срывания масок с вероломных фашистских бандитов.[1] Щедрин обладал гениальным художественным дарованием, он создал неумирающие сатирические образы, которые и сегодня помогают нам бороться с врагами нашего великого народа, с врагами культуры и прогресса.

В. И. Ленин подчёркивал революционный демократизм Щедрина и разоблачал все попытки либе-

---

[1] См. вступ. статью *Д. Заславского* «Щедринские типы в произведениях Ленина и Сталина». Полн. собр. соч. *Щедрина*, т. I, Ленгослитиздат, 1941.

ралов и соглашателей ухватиться за его фалды, фальсифицировать его облик.

«Особенно нестерпимо бывает видеть, — писал Ленин, — когда субъекты, вроде Щепетева, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии, хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского... А Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеймил их формулой: «применительно к подлости». [1]

За фалды Щедрина хваталась либеральная буржуазия и фальсифицировала его творчество, стремилась причесать его под либерала или народника. [2]

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVI, стр. 132, 133.

[2] Либеральное «причёсывание» Щедрина особого успеха не имело. Всё творчество великого писателя беспощадно разоблачало либерализм и клеймило гнусную соглашательскую политику. За фалды Щедрина особенно упорно цеплялись поздние народники, перерождающиеся в эсеров. Разгромленные идейно В. И. Лениным и Г. В. Плехановым, народники, в эпоху первой русской революции, искали знатных предков для прикрытия своей программы и тактики авантюризма, которую уже в 1902 году разоблачил Ленин (ст. «Революционный авантюризм», Соч., т. V, стр. 145). Что авантюризм был самой характерной чертой поздних народников и эсеров, подтверждает созданная ими народническая легенда о Щедрине. Редактируя «Большую энциклопедию», С. Южаков в статье «Русская литература» писал, что под влиянием вождя народников Н. К. Михайловского находились Г. Успенский, Некрасов и Салтыков-Щедрин, «особенно последний [Щедрин] вполне проникся новым [народническим] миросозерцанием» (т. XIII, стр. 324). Это

В журнале «Отечественные записки» Салтыков объединил лучшие литературно-демократические силы своего времени. Ему приходилось бок о бок работать с народниками Н. К. Михайловским, С. Кривенко, С. Южаковым. Последние снизили и вульгаризировали революционно-демократическую теорию Чернышевского. В философии они были эклектиками-позитивистами, создали субъективную социологию, которую так ярко разоблачил Ленин в работе «Что такое «друзья народа». Народники идеализировали крестьянскую общину, создали теорию «критически мыслящих личностей», прославляли одиночек-«героев» и по сути оторвали народничество от массово-революционного движения.

Щедрин объединил в «Отечественных записках»

противоречило всем фактам, и сам Михайловский, «один из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии последней трети прошлого века» (*Ленин*, Соч., т. XVII, стр. 223), в письме к Южакову протестовал против подобного утверждения, считая его ошибкой Южакова.

Последний, однако, не считал нужным вносить исправления. «Я не могу согласиться с Вами, — писал Южаков в неопубликованном письме к Михайловскому. —... Я нахожу эту [народническую] легенду уместною и даже необходимою... Накладывать руку на то, что по сути удобно, не могу» (Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

Народническая легенда о Щедрине, созданная умышленной подтасовкой фактов, оказалась «уместной» и «по сути» удобной для политики авантюризма поздних народников и эсеров. Эсерствующие (Р. Иванов-Разумник и др.) и меньшевиствующие (Кранихфельд и др.) критики, враги народа троцкисты и бухаринцы ухватились за народническую легенду и, прикрываясь ею, фальсифицировали творчество великого русского революционного демократа и писателя.

все силы, борющиеся с реакцией, в том числе и народников, но никогда не разделял их взглядов и тем более теоретических положений. Он был далёк от фальшивой народнической идеализации крестьянской общины, видел в их взглядах упрощения и схемы, высмеивал их за то, что они «упразднили» политическую экономию и не замечали развития капитализма в деревне. Идейные разногласия с народниками приводили часто Салтыкова-Щедрина к конфликтам внутри редакции с Н. К. Михайловским, причём Щедрин неизменно отстаивал и проводил линию Чернышевского, оберегал традиции «Современника». [1]

Влияние сатиры Щедрина было необычайным. Современники хорошо понимали, против кого она направлена. Они видели, что «не было ни одного выдающегося насущного общественного явления, отрицательной стороны которого не коснулся бы великий сатирик». Современники отмечали, что «комизм всех... сатир Щедрина живёт вокруг нас самих». [2]

Читатели «Отечественных записок» знали, что Некрасов, Салтыков и Елисеев продолжали традиции «Современника» и что после смерти Некрасова, когда ответственным редактором журнала стал Салтыков, «направление его не изменилось». [3] Со-

---

[1] Подробно эти конфликты изложены в нашей статье «Салтыков-Щедрин и народничество» в «Щедринском сборнике» Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

[2] «Одесский вестник» № 38, 1874 г.

[3] «Русская газета» № 23, 1878 г.

временники постоянно указывали на Щедрина как на самого популярного писателя. «Отечественные записки» были «немыслимы без статьи Щедрина», так как читатели «привыкли встречать в каждой выходящей книжке» [1] его произведения.

Журнал Салтыкова был притягательным центром. «Отечественные записки» организовывали и направляли русскую литературу.

«Наиболее талантливые [писатели] шли в «Отечественные записки», несмотря на мою нелюдимость и отсутствие обворожительных манер, — писал Щедрин Анненкову в 1884 году, — *доверяли* моему такту и смыслу и никто не роптал ежели я изменял и исправлял».

Щедрин знал, что большинство литераторов только о том и думало, «чтобы в «Отечественные записки» попасть. Вот Вам характеристика журнала, — пишет он в том же письме, — и позволю себе думать, что в этой характеристике я занимал своё место».

Салтыков-Щедрин в условиях реакции 70—80-х годов прошлого века выступил организатором новой русской литературы и сыграл очень большую роль. Недаром великий писатель русской земли Л. Н. Толстой, ознакомившись со щедринским журналом, «открыл целую *новую* литературу превосходную и искреннюю—в «Отечественных записках».

Вокруг «Отечественных записок» группировались прогрессивные демократические силы, борющиеся с реакцией, и царское правительство искало пово-

---

[1] «Сын отечества» № 81, 1871 г.

да, чтобы разогнать этот орган революционной пропаганды. И когда провокатор Дегаев сообщил полиции, что два сотрудника «Отечественных записок» — Н. К. Михайловский и С. А. Кривенко связаны с революционной организацией «Народная воля», правительство объявило о закрытии журнала. В пространном сообщении, опубликованном 20 апреля 1884 года в газете «Правительственный вестник», указывалось, между прочим, что «статьи самого ответственного редактора [Салтыкова-Щедрина], которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны в журнале, появлялись в подпольных изданиях, принадлежащих эмиграции».

После закрытия журнала создалось очень тяжёлое положение для писателя. Щедрин хорошо понимал, что правительство давно уже хотело изолировать его, разорвать его связь с читателями. Атмосфера всё более и более сгущалась. Торжество реакции «чересчур уж позорно, — писал он Белоголовому ещё 8 июня 1882 года. — И что ещё позорнее — это то, что первые удары непременно падут на литературу... Катков ведь заранее предвещал перемены... Ужасно обидно это торжество Каткова». Щедрин знал, что «существование [журнала] весьма ненадёжно», что ему «почти запрещено писать». И, несмотря на сознание неизбежной катастрофы, закрытие журнала очень остро переживал.

«Закрытие «Отеч[ественных] Зап[исок]» произвело во всём моём существе нестерпимую боль», писал он Елисееву 17 мая 1884 года. В другом письме Щедрин писал: «...Меня, прежде всего, поражает (и до сих пор не могу освоиться) то обстоятель-

ство, что я лишён возможности ежемесячно беседовать с читателем. При моей старости и недугах, это только утешение и осталось мне. Живу я совершенно нелюдим, почти никого не вижу, никуда не выезжаю, чувствуя, что я везде буду в тягость. Один ресурс у меня оставался — это читатель. Признаться сказать, едва ли не его одного я искренно и горячо любил, с ним одним не стеснялся. И, — не припишите это самомнению, — мне казалось, что эта отвлечённая персона тоже меня любит... Я даже убеждён, что если меня запереть наглухо, оставив в моём распоряжении только «читателя», я был бы вполне счастлив, даже счастливее нежели в обществе людей. Довольно я понатёрся между ними, взял от них, что мог и что мог возвратил. Теперь у меня и это отняли. Можно ли представить себе что нибудь более жестокое, унизительное, озорное?»

С читателем Щедрина разлучили. Чтобы продолжать литературную деятельность, ему нужно было итти в либеральную печать, которая после закрытия «Отечественных записок» получила полный простор. Имя Щедрина было так популярно, что либералы не прочь были привлечь Щедрина, но в то же время боялись цензурных преследований. Правительство недвусмысленно грозило журналам и газетам суровыми преследованиями, если они будут печатать едкие обличения Щедрина. Его произведения урезывались, искажались, но тем не менее доходили до читателя.

После закрытия «Отечественных записок» сатиры Щедрина печатались в журнале «Вестник

Европы» и газете «Русские ведомости». Цензура придиралась к каждому его слову, а напуганные редакторы тщательно вычёркивали наиболее острые места.

В тяжёлых условиях Щедрин настойчиво продолжал свою литературную деятельность, считая её своим общественным долгом служения Родине. Он продолжает писать «Сказки» (1883—1886), создаёт сатирические циклы «Пёстрые письма» (1884—1886), «Мелочи жизни» (1886—1887) и одно из лучших своих произведений «Пошехонскую старину» (1887—1889), которую он закончил незадолго перед смертью.

В этих произведениях появились новые темы и новая форма. «Мелочи жизни» рисуют народные низы — крестьян, ремесленников, трудовую демократическую интеллигенцию. На первом плане его сатиры — бытовая обстановка, в которой создаются новые типы, проявляются новые условия буржуазной жизни. Здесь и «хозяйственный мужичок» — кулак — властитель деревни, мироед и хищник, и новейшие разновидности земцев Дракиных, адвокатов Балалайкиных, беспринципных Молчалиных, и разоблачение народнической идеализации сельской общины, имеющее большую познавательную ценность, и ряд вставных законченных сюжетно новелл (таких, как «Счастливец», «Портной Гришка», «Христова невеста», «Сельская учительница»), близких по стилю к чеховским и горьковским новеллам.

Последние два года своей жизни Щедрин работал над художественной хроникой «Пошехонская

старина» — одним из выдающихся произведений русской литературы.

В «Пошехонской старине» Щедрин выступает как автор исторической хроники. Он беспощадно разоблачает крепостничество, показывает детальную картину крепостнического быта и жизни, которая по силе реалистической выразительности и правды приобретает значение исторического документа. «Пошехонская старина» — не только историческая хроника. Она полна злободневности. Глазами революционного демократа оценивает Щедрин весь строй крепостнической жизни, рисует ненависть крестьянства к крепостникам-помещикам. Его историческая хроника приобретает характер беспощадной борьбы со всеми остатками крепостничества в пореформенное время.

Тяжело больной, прикованный к постели мучительным и медленным угасанием, Щедрин продолжал упорно работать. Закончив «Пошехонскую старину», он приступил к написанию цикла «Забытые слова», который по замыслу должен был быть его завещанием будущим поколениям. Щедрин хотел в этом цикле напомнить и внушить людям великие идеи революционных демократов 60-х годов о служении Родине и народу, о политической честности, о социализме, республике и грядущей революции.

«Были, знаете, слова, были слова: ну совесть, отечество, человечество... другие там еще, — говорил Щедрин за несколько дней до смерти. — А теперь потрудитесь-ка их поискать!.. надо же напомнить...»

Смерть оборвала осуществление этого замысла.

28 апреля (10 мая по новому стилю) 1889 года Щедрин скончался. Похоронен он на Волковом кладбище в Петрограде.

Среди многочисленных откликов на смерть М. Е. Салтыкова-Щедрина следует отметить отклик тифлисских рабочих. «Смерть Михаила Евграфовича [Салтыкова], — писали они, — опечалила всех искренно желающих добра и счастья своей родине. В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим сильным умом разил в самом корне. И мы, рабочие, присоединяемся к общей скорби о великом человеке...»

Это были слова настоящего «читателя-друга», служению которому Щедрин посвятил всю свою жизнь.

Молодой А. П. Чехов воспринял известие о смерти Щедрина как большую утрату и глубокое личное горе. «Мне жаль Салтыкова, — писал он,— это была сильная, крепкая голова. Тот сволочной дух, который живёт в мелком, измошенничавшемся русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нём своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик..., но открыто презирать умел один только Салтыков... Никто не сомневался в искренности его презрения...»

Щедрин был великий русский патриот, борец за независимость народа и отечества, отдавший свой талант «жестокой правды» (*Горький*) защите демократии и свободы.

IX. ЩЕДРИН И РУССКИЙ НАРОД

Салтыков-Щедрин никогда не был посторонним наблюдателем жизни родного народа и судеб своей страны. На протяжении пятидесятилетней литературной деятельности он был страстным борцом. «Клянусь, — писал Щедрин, — в ту минуту, когда я почувствую, что внутренности во мне не дрожат больше, кину перо, хоть бы пришлось умереть».

Свою литературную деятельность Салтыков-Щедрин рассматривал как служение народу и Родине. Преодолевая все трудности, гонения, цензурные давления, запреты, Щедрин продолжал творить свои бессмертные сатирические произведения. Реакция, которую так беспощадно бичевал сатирик, объявила его «вредным писателем», лишала его возможности общения с читателями, но и это не сломило его силы.

О своей писательской деятельности в 80-х годах прошлого века Щедрин писал во «Введении» к «Мелочам жизни»: «Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадает под печатный станок. Чего со мной ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком-запрещали, и всенародно объявляли, что я — вредный, вредный, вредный. Трудно поверить, а в провинции власть имущие делали гримасы, встретив где-нибудь мою книгу. «Каким образом этот вредный писатель попал сюда?»— вот вопрос, который считался самым натуральным

относительно моих сочинений, встреченных где-нибудь в библиотеке или клубе».

В сказке «Приключение с Крамольниковым» Щедрин говорит устами героя о своей неутомимой деятельности писателя-сатирика. «Крамольников горячо и страстно был предан своей стране и отлично знал как прошедшее, так и настоящее её. Но это знание повлияло на него совершенно особым образом: оно было живым источником болей, которые непрерывно возобновлялись, сделались, наконец, главным содержанием его жизни, дали направление и окраску всей его деятельности. И он не только не старался утешить эти боли, а, напротив, работал над ними и оживлял их в своём сердце. Живость боли и непрерывное её ощущение служили источником живых образов, при посредстве которых боль передавалась в сознание других».

Источником этой боли, которую писатель стремился *передать в сознание других*, был *русский народ*. Щедрин призывал к самоотверженной борьбе с хищниками, ташкентцами и реакцией во имя освобождения своего народа от их пут, ибо знал, что «борьба настоящего неизбежно откликнется в тех глубинах, в которых таятся будущие судьбы человечества, и заронит в них плодотворное семя». Эта борьба тесно связана с борьбой за счастливое будущее всех людей на земле, она воплощает в себе идею «о человечестве и ожидающих его перспективах».

Щедрин призывал к самоотвержению и подвигам, признавал их законность, неизбежность и необходимость для культуры и прогресса человечества.

«...Без этой самоотверженности, — говорит он, — история, быть может, остановила бы своё движение». Щедрин звал к борьбе за народное счастье, так как видел в ней единственно возможную победу человечности и правды над произволом, лганьём, хищничеством и человеконенавистничеством. «Признать законность самоотвержения, как фактора человеческой жизнедеятельности, это уже значит,— писал Щедрин, — внести в жизнь элемент правды и человечности; но познать на деле сладость самоотвержения — это значит дать такое доказательство превосходства человеческой природы, против которого не может быть и возражения».

Щедрин писал для народа и рассматривал свои произведения как живую силу, которая служит пробуждению в человеке восприимчивости и отзывчивости, являющихся «едва-ли не самым драгоценным достоянием человека», без которого «немыслима ни деятельная честность, ни постижение идеи общего блага. Только воспримчивый человек, — говорит он, — может всего себя отдать на служение идеалу; только в нём может созреть идея о человечестве и ожидающих его перспективах; только он может возвыситься до самоотвержения».

Произведения Щедрина будили восприимчивость и отзывчивость, направляли мысль, волю и чувства, организовывали живую силу, приводили в движение массы народа. В. Г. Короленко в одном из писем отмечает «огромную массу мыслей и чувств (нового отношения к миру), которое в своё время привёл в движение Щедрин».

Подвиг и жажду подвига Щедрин воспитывал у читателей, прививал его народной массе. «Нам необходимы подвиги, — писал он, — нам нужен почин. Очень часто мы безрассудствуем, мечемся из одной крайности в другую, очень часто даже погибаем; но во всех этих безрассудствах и колебаниях одно остается небезрассудным—это жажда подвига. В этой жажде трепещет живое человеческое сердце, скрывается пытливый и никогда не успокаивающийся человеческий разум. Не смирять и охлаждать следует эту благодатную жажду, а развивать и воспитывать».

Щедрин выступал против «дряблого стремления к всеоправданию», высмеивал жизнь, лишённую энтузиазма и увлечений, считал её бессильной и бессодержательной, неспособной творить новое. «Жизнь лишённая энтузиазма,—говорил Щедрин,— жизнь не допускающая ни увлечений, ни преувеличений, есть именно та постылая жизнь, которая способна только мерить и сводить итоги прошлого, но совершенно бессильна в смысле творческом». Он ополчается против рассуждений, будто бы самая удобная форма жизни есть существование «помаленьку», «потихоньку» да «полегоньку». Эти удобства «поведения, лености и рабства», отмечает Щедрин, — в сущности составляют «самое громадное и вопиющее неудобство», именно потому, что приучают человека к лени и делают его рабом. Вот почему действительные и истинные удобства жизни достаются только подвигом и почином». Человек достигает жизненных удобств *«тяжело вырванною у жизни победою»*.

Уважение и любовь внушал Щедрин к людям, которые с «нетерпением относятся ко всякой несправедливости, хотя бы она не касалась их лично», которые «чужое горе считают своим собственным горем, чужую беду своею собственной бедою», горячие сердца которых откликаются всякому доброму начинанию, всякому душевному слову. Щедрин учил *делать добро*. «В добре, — говорил он,— вся сила жизни, в добре замыкается весь её смысл». И он призывал: «*Будем же беспокойными и строптивыми, но да не охладится в сердцах наших лучшее достояние нашей жизни — энтузиазм к добру и истине*» (курсив наш. — *Б. П.*).

Щедрин боролся за освобождение народа и хорошо знал, что эта борьба требует большого самоотвержения и подвигов. Он предостерегал не утешаться «более чем странною надеждою, что всё сделается само собой». Напротив, потребуется «*неимоверное усилие*» масс народа, прозрение их. А что для масс «возможны минуты прозрения», Щедрин в этом никогда не сомневался.

«Минуты прозрения, — говорит он, — не только возможны, но составляют неизбежную страницу в истории каждого народа. Однако, для человека, взятого изолированно, дело заключается не в одной возможности подобных минут, но и в его личном отношении к ним. Когда наступят эти минуты? Для кого расступится мрак, окутывающий лицо массы, и даст увидеть это лицо просветлённым, носящим печать сознания и решимости? Слов нет, что даже отдалённые возможности чего-либо подобного могут поддержать в человеке героизм, но ведь герой

не растут на свете, как грибы в лесу, а сколько же есть людей не героев, а просто честных, полезных и наклонных к добру, для которых эти вопросы суть вопросы утешения или отчаяния?»

Любовь к родине и русскому народу неразрывно связана у Щедрина с постоянной, неусыпной мыслью об *освобождении народных сил.* В известной сказке «Коняга», любовно изображая ландшафт русской природы, чудесные просторы русских полей, Щедрин пишет: «Из века в век цепенеет грозная, неподвижная громада полей, словно *силу сказочную* в плену у себя сторожит. Кто освободит эту силу из плена? кто вызовет её на свет? Двум существам выпала на долю эта задача: мужику да Коняге. И оба от рождения до могилы над этой задачей бьются, пот проливают кровавый, а поле и поднесь своей сказочной силы не выдало, — той силы, которая бы разрешила узы мужику...».

Пробуждению народных сил и освобождению народа Щедрин посвятил всю свою жизнь, страстно разоблачая и клеймя в своей сатире всех тех, кто связывает эти силы на поверхности жизни. А на поверхность жизни во времена Салтыкова выплывали кровопийцы-хищники, «ташкентцы», «культурные люди», действующие «применительно к подлости», стяжатели и человеконенавистники. Но не они, эти хищники, составляют подлинную историю народа. Щедрин подчёркивает, что поверхностному взгляду в истории могут броситься в глаза «имена и события ни о чём не говорящие, кроме насилия». Их нельзя принимать за «действительную историю общественного развития».

«Действительная история человеческих обществ, — пишет Щедрин, — есть повесть неписаная и по преимуществу безымянная, которой нет дела до случайных накипей, образующихся на поверхности общества. Она воспроизводит не ту кажущуюся, богатую лишь внешними признаками жизнь, которая мечется в глаза поверхностному и легкомысленному наблюдателю, но ту безвестную жизнь масс... таинственные, неизвестные народные глубины...» Только жизнь народа «открывает зрелище действительно потрясающее, которое всецело и навсегда прикуёт к себе лучшие силы нашего существа и в то же время даст нашей деятельности и богатое, неисчерпаемое содержание, и действительную исходную точку».

Как писатель Салтыков-Щедрин видел единственной плодотворной почвой для своей сатиры *почву народную*, «ибо её только и можно назвать общественной в истинном и действительном значении этого слова. Чем далее, — говорит он, — проникает сатирик в глубины этой жизни, тем весче становится его слово, тем яснее рисуется его задача, тем неоспоримее выступает наружу значение его деятельности. Дело будет слышаться в его речи, то кровное человеческое дело, которое, затрагивая самые живые струны человеческого существа, нередко возвышает до героизма даже весьма обыкновенного человека».

Задачу пробуждения живой сказочной силы народа, возвышения человека до героических подвигов и самоотверженной борьбы и ставил перед собой великий русский писатель и сатирик.

Во время реакции 70-х годов прошлого века Щедрин указывал, что будущее принадлежит не хищнической накипи, а народу и прогрессивной литературе, что история не может остановиться от того, что «ничтожество, невежество и индифферентизм делаются на время законом».

Щедрин был защитником народа, который воплощает в себе «*идеи демократизма*». Этому народу «я всегда сочувствовал, — писал он, — и все мои сочинения полны этим сочувствием». «Этому народу нельзя не сочувствовать уже по тому одному, что в нём заключается начало и конец всякой индивидуальной деятельности».

Отношение Щедрина к русскому народу лишено сентиментального притворства и фальши. Салтыков изображал его как художник-реалист со всеми его недостатками и всеми его сильными сторонами, в его произведениях, отмечал Н. А. Добролюбов, «народ является как он есть», без какого-либо приукрашивания. Он изображал народ с сочувствием и сердечной теплотой, но с трезвым взглядом и прямыми суждениями. Он хорошо знал, что все великие люди, каждый «самый великий мыслитель... отдаёт лучшую часть своей деятельности» народной толпе, что ей «мы все заветные светлые думы наши посвящаем».

В шестом «Письме из провинции» Щедрин останавливается на вопросе о «сближении с народом», которое проповедывали и идеологи дворянства. Но в этом «сближении с народом» у дворян народная масса всегда выступала как «меньшая братия», отмечает Щедрин, и нигде не являлась «просто в ка-

честве человека», человека равноправного и равноценного. Всё это превращалось в полуребяческую игру и формальности и обычно ограничивалось у дворян пошлым, всегда лицемерным заигрыванием и неискренним сочувствием насчёт претерпеваемых массами утрат, которые, замечает Щедрин, «в равной степени противны».

Щедрин с самого начала своей литературной деятельности пропагандировал человеческое отношение к массам, чувствовал свою теснейшую связь с ними. Он постоянно чувствовал любовь к народу и «ощущал, что в сердце моём таится невидимая, но горячая струя, которая, без ведома для меня самого, приобщает меня к первоначальным и вечно бьющим источникам народной жизни».

Тесная связь с народной жизнью была питательным источником пламенного патриотического чувства Салтыкова-Щедрина, чувства безграничной любви к Родине и Отечеству. Глубокое патриотическое чувство Щедрина было демократическим в своей основе. Чувство ненависти вызывают у него лже-патриоты реакционеры, которые, «надругавшись до отвала над русским именем у себя и за границей, наговорившись всласть о безнравственности, невежестве и грубости русского мужика... предаются на досуге излияниям о сладостях патриотизма, о том, как это чувство возвышает душу, и как, в особенности, необходимо развивать его... в простом классе». Щедрин бичует этот реакционный сброд «гулящих людей». Попадая за границу, в Париж, они не только забывают о Родине, но и не прочь отказаться от неё перед глупейшими

дамами лёгкого поведения, не прочь поболтать о космополитизме; но их космополитизм, говорит Щедрин, есть всего-навсего «желудочно-половой космополитизм»; они не прочь «стократ отрекаться от своей народности, от всякой солидарности с своим народом и своим отечеством».

Щедрин пропагандировал патриотические идеи революционных демократов и просветителей 60-х годов в своих художественных образах и публицистических высказываниях. Он воспитывал у современников и прививал им подлинно народный патриотизм Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

В. И. Ленин учит различать в каждой современной нации две нации, в каждой национальной культуре — две национальные культуры: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие* же *две* культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.».[1]

И в патриотизме, этом глубоком чувстве, выработанном веками исторического развития разобщённых наций, есть два понятия. Есть патриотизм, который проповедывают реакционеры и мракобесы, крепостники и человеконенавистники, которым они прикрывают свои эгоистические планы закабаления и ограбления народа. Но есть патриотизм под-

[1] *Ленин,* Соч., т. XVII, стр. 143.

линно народный, патриотизм величайших сынов Родины, поборников за народную свободу и независимость, патриотизм Ломоносова, Радищева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Чернышевского, Плеханова, Ленина, Толстого, Горького.

Щедрин бичевал и зло высмеивал такой патриотизм, при котором любовь к отечеству смешивалась с чисто внешним выполнением обрядов, почитаний и распоряжений царской реакции. Для реакционеров и хищников «отечество — пирог для обогащения», говорит Щедрин. В них видел он врагов Родины, народа и прогресса.

Подлинных патриотов Щедрин находит в русском народе, в крестьянстве, в простом мужике. «Русский мужик... — говорит он, — является самим собою, то есть простым непринуждённым и... не придёт ему в голову стыдиться того, что он русский... Он занят делом... он чувствует себя не только не лишним, а совершенно необходимым деятелем в русской семье».

Самостоятельность, целостность и непринуждённость простого русского человека внушали Щедрину веру, что народ, сбросив «кишащих на поверхности» в его время крепостников и хищников, выйдет на пути свободного развития всех своих грандиозных сил и талантов, и не ошибся в этом. Русский народ, совершив революцию, сбросил все эти «накипи» и вышел на передовую арену развития свободы, демократии, независимости и созидания великого социалистического советского государства. «Я вообще чрезвычайно люблю наш прекрасный народ и с уважением смотрю на свежие

и благодушные типы, которыми кишит народная толпа», писал Щедрин.

В очерке «Сила событий» Щедрин разоблачает лживый, антинародный, квасной патриотизм, служащий прикрытием для всевозможных паразитов и проходимцев. В нём Щедрин чётко сформулировал своё понимание истинного патриотизма.

Патриотизмом часто прикрываются самые отчаянные плуты и проходимцы, мошенники и казнокрады, крепостники и человеконенавистники, мерзавцы и негодяи во всех странах. Могут ли называться патриотами проходимцы вроде «гулящих немцев», реакционных пруссаков, всевозможных «таумбургцев», «пассауцев», «мейнингенцев» и прочих «гогенцоллернских обывателей», охотно внедряющихся всюду, «где имеется мясистая поверхность»? Могут ли именоваться патриотами «всякие другие паразиты, хотя бы и высшей школы»? — спрашивает Щедрин. Конечно, не могут. Это бесстыжие обманщики, а не патриоты. Это мерзавцы, негодяи, грабители и человеконенавистники, которые всеми силами и мерами стремятся к «насильственному обречению массы в жертву невежественности и обеднения», — говорит о них Щедрин. Они хотят «низвести другие народы на степень низшего организма». Они на весь мир смотрят в упор и при этом лгут, хвастают и обманывают в глаза. Их бесстыжие живуче: вокруг него группируется плотная масса негодяев. На глазах у всех они формируют бесшабашное скопище, которому ничего иного не нужно, кроме навыка к стяжательству, грабежу, разбою и быстроты этих бандитских действий.

Прикрываясь патриотизмом, жулики и проходимцы, мелкие и всесветные воры и мошенники стремятся к закабалению и порабощению народа. Всею силою души Щедрин ненавидел этих паразитов, «гулящих немцев», «гогенцоллернских обывателей» и реакционеров, клеймил их в своей сатире, разоблачал их звериные повадки и человеконенавистничество и указывал на их агрессивные и милитаристические поползновения. Мелкие и всесветные воры, мошенники и человеконенавистники не имеют ничего общего с истинными патриотами, с подлинными защитниками интересов народа. «Нельзя быть, — поучительно писал Щедрин, — паразитом и патриотом ни в одно и то же время, ни по очереди, то есть сегодня патриотом, а завтра проходимцем».

Истинный патриотизм отстаивает и защищает интересы широких демократических народных масс, помогает плодотворному строительству культуры и жизни, способствует восприятию общечеловеческих идей науки и прогресса. Идея патриотизма — это идея беззаветной преданности своему Отечеству и своему народу, это бескрайняя любовь к своей Родине, самоотверженная работа для её процветания и счастья.

«*Идея, согревающая патриотизм, это идея общего блага*, — говорит Щедрин. — Какими бы тесными пределами мы ни ограничивали действие этой идеи (хотя бы даже пространством княжества Монако), всё-таки это единственное звено, которое приобщает нас к известной среде и заставляет нас радоваться такими радостями и страдать такими

страданиями, которые, во многих случаях, могут затрагивать лишь самым отдалённым образом. *Воспитательное значение патриотизма громадно: это школа, в которой человек развивается к восприятию идеи о человечестве».*[1]

С болью отмечает великий русский писатель, что жизнь выработала «известную сумму приманок, имеющих несомненно кровопийственный характер», что эти приманки привлекают завистливые взоры проходимцев и жуликов, которые хотят «человеческое естество упразднить» и на место его водворить «характер звериный и человеконенавистнический». Этим мерзавцам и хищникам нет дела до Отечества, Родины и народа. Они заняты лишь своим обогащением за счёт ограбления народа. От них можно ожидать ещё много «жестоких и бесчеловечных слов... и всякого рода бесстыжеств и неключимостей».

Салтыков-Щедрин проповедывал истинный патриотизм, подлинную любовь к народу и Родине, великую, всеобъемлющую любовь к Отечеству, «к этому таинственному, но живому организму», которого «прикосновение к себе ты непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом неразрывной пуповиной». Отечество было «свидетелем и источником первых впечатлений твоего бытия», оно «наделило тебя способностью мыслить и чувствовать», оно создало «твои привычки», дало тебе «язык, верования, литературу», оно обогрело и приютило тебя, сдела-

---

[1] *Щедрин,* Полн. собр. соч., т. XIII, Гиз, 1936, стр. 153. Курсив наш.

ло из тебя «существо, способное жить. И всего этого [Отечество] достигло без малейшего насилия, одним тёплым и бесконечно любовным к тебе прикосновением». Отечество сделало даже больше того: «неусыпно обнимая тебя своею любовью», — пишет Щедрин, — Отечество зажигает в тебе «*священную искру любви, так что и тебе нигде не живётся такой полною, горячею жизнью, как под сенью твоего отечества*. Ты слово скажешь — и в отечестве тебя понимают; ежели это слово умное — возвеличат и воздвигнут монумент; ежели оно глупое — забранят и простят». [1] Отечество обнимает каждого своей любовью, зажигает в сынах и дочерях Родины ту священную искру любви, которая согревает всё человеческое существо и даёт направление всей жизни и деятельности, поднимает на самоотверженные подвиги и геройство.

Щедрин верил в силы русского народа, знал мощь Родины, чувствовал силу своей страны, «о которую разбивались удары истории». Великие события нашего исторического прошлого и великих деятелей русской земли он оценивал по той реально-исторической пользе, которую они принесли Отечеству.

Восторженно пишет Щедрин о деятельности Петра Великого. «Вся жизнь этого человека есть непрерывная эпопея... Пётр Великий прежде всего страстно предан своей стране, но в этой предан-

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. XIII, Гиз, 1936, стр. 153. Курсив наш.

ности первое место занимает не страстный темперамент, а сознательность, доведённая до страстности, которая и приводит к мысли о необходимости обновления и возрождения. Сознание этой необходимости овладевает всеми его помыслами, окрашивает всю его деятельность... Фигура Петра представляется исполненною той светящейся красоты, которую даёт человеку только несомненно прекрасный внутренний его мир».[1]

Вот почему этому человеку не может не симпатизировать художник, вот почему вся деятельность этого человека дорога писателю, дорога как свидетельство народной мудрости и силы. Щедрин верил, что наш великий народ «может совершать чудеса самопожертвования и доблести». Он видел перед собой разящие примеры нашего исторического прошлого, в котором народ всегда выходил победителем, и о грудь свою всегда разбивал «удары истории», примеры общенародных патриотических подъёмов.

Общенародный патриотический подъём наиболее ярко проявляется в моменты грозных исторических испытаний Родины, когда требуется напряжение всех сил народа. В такие моменты «*идея отечества*, — говорит Щедрин, — *вспыхивает очень ярко*». Так было в 1812 году, в год гигантских усилий русской нации в Отечественной войне с наполеоновским нашествием.

«Я ещё застал людей, — писал Щедрин в конце

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. VIII, Гиз, 1937, стр. 276.

своей жизни, — у которых в живой памяти были события 1812 года и которые рассказами своими глубоко волновали моё молодое чувство. То была година великого испытания, и только усилие всего русского народа могло принести и принесло спасение». Это был год величайшего подъёма. «Двенадцатый год, — пишет Щедрин, — это народная эпопея, память о которой перейдёт в века и не умрёт, пока будет жить русский народ». [1]

Победу русского народа над полчищами Наполеона Щедрин считал исторически закономерной, необходимой и прогрессивной победой. «В мире разумном, — писал он, — в том идеальном мире, до представления которого может по временам возвыситься наша мысль, насилие немыслимо; там прежде всего и над всем господствует равноправность и правомерность отношений... Мы живём не в Аркадии и не в Икарии... Мы имеем не только право, но и обязанность защищать себя против невежества и дикости, которые не дают нам дышать, ибо тут идёт речь о нашей жизни и отстаивать её повелевает нам простое чувство самосохранения. Если, при известных условиях, жизнь представляется в форме войны, то никто не изъемлется от необходимости вести её, а ежели бы кто и вздумал сам для себя сделать это изъятие, то будет вовлечён в войну помимо собственной воли непреодолимою силою обстоятельств». [2]

---

[1] *Щедрин*, Полн. собр. соч., т. XVII, Гиз, 1937, стр. 350. Курсив наш.

[2] «Литературное наследство» № 11—12, 1933, стр. 208, 209.

Эти слова Салтыкова-Щедрина в дни Великой отечественной войны с германо-фашистскими варварами призывают всех русских людей, весь советский народ на борьбу и разгром средневековой дикой гитлеровской реакции. И сегодня великий русский писатель и сатирик вместе с нами в освободительной войне за нашу Родину, честь и свободу нашей великой нации. Всё его творчество учит нас любви к народу, призывает к работе и борьбе за независимость нашего государства, за изгнание чужеземных захватчиков из пределов нашей Советской земли.

Видеть Родину свободной, независимой, счастливой, работать для её процветания — вот высшее счастье жизни. Любовь к Родине «сама по себе, — говорит Щедрин, — есть чувство радостное и светлое, но в большинстве применений в неё главным элементом входит желание. Оно делает любовь деятельной и внушает подвиги широкого самоотвержения..., заставляет человека видеть в ней [Родине] заветнейшую цель лучших помыслов души».

Любовь к отечеству, пламенный патриотизм должны всегда гореть в сердцах людей. Это светоч, вдохновляющий на подвиги во имя Родины и народа, это всеохватывающее пламя любви, зажигающее каждое сердце ненавистью к врагам народа, делающее человека гражданином отечества.

«По моему мнению, — писал великий писатель и сатирик, — и в торжественные годины, и в будни идея отечества одинаково должна быть присуща сынам его. Ибо только при её ясном сознании человек приобретает права называть себя гражданином».

2 р. 50 к.